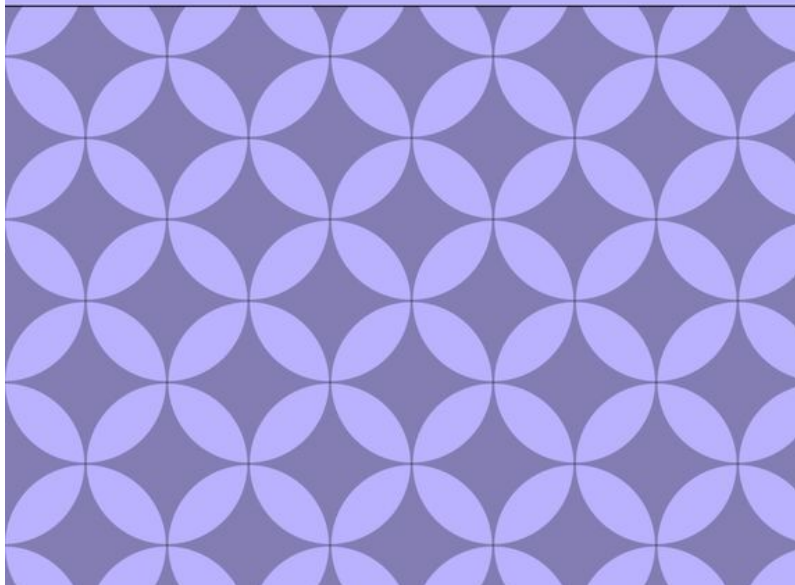

Светлана Бестужева-Лада

Мера за меру

Любовный детектив

Светлана Игоревна Бестужева-Лада

Мера за меру

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11958948

ISBN 978-5-4474-2635-4

Аннотация

Три молодые женщины одновременно попадают в больницу по прихоти своих мужей, которые их таким образом «воспитывают». Объединив усилия и призвав на помощь друзей, женщины платят свои обидчикам той же монетой.

Содержание

Глава первая. Трехместный номер. Майя	5
Глава вторая. Костер любви. Нина	27
Глава третья. Золотая клетка. Виктория	48
Глава четвертая. Одна за всех и все за одну	71
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Мера за меру
Любовный детектив
Светлана Игоревна
Бестужева-Лада

© Светлана Игоревна Бестужева-Лада, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Глава первая.

Трехместный номер. Майя

Несколько лет тому назад мне в руки – совершенно случайно! – попала книга какой-то американской писательницы с интригующим названием «Клуб первых жен». Вообще-то я литературу такого рода не жалую, по-моему, подобные книги пишут женщины, у которых имеется одна мозговая извилина, для тех у которых пол-извилины, в лучшем случае. Но этот самый «Клуб» я почему-то прочла.

Суть данного шедевра заключалась в том, что три богатые женщины были подло и нагло брошены своими мужьями ради молоденьких красоток. А четвертая – самая богатая из них – по той же банальной причине взяла и перерезала себе вены. Три оставшиеся подруги решили отомстить и мужу несчастной самоубийцы, и, заодно, своим собственным. Отомстить, естественно, чисто по-американски, то есть наняли хороших адвокатов, разорили негодяев дотла, а сами обрели простое женское счастье с любовниками. Впрочем, в одном из случаев это, кажется, была любовница.

Понимаю, в пересказе сюжет выглядит туповато. Но можете мне поверить, именно таким роман и был, причем включал в себя секс, психоаналитика (куда же без него?!), умопомрачительной красоты интерьеры и череду велико-

светских раутов... Большой американский набор, короче говоря.

Сколько я ни пыталась понять высокий смысл этой новой американской трагедии, у меня ничего не получилось. Наверное, другое мышление. Или, что гораздо более вероятно, другой образ жизни. У меня нет и никогда не было ни двухэтажной квартиры с видом на Центральный парк в Нью-Йорке, ни особняка на крыше небоскреба, ни даже шикарного дома в пригороде, не говоря уже о лимузине с шофером. И, судя по всему, никогда не будет. От меня не уходил богатый муж. Меня бросил муж с доходом чуть выше среднего по российским, разумеется, меркам. То есть на автомобиль и недельный отдых в Турции нам денег хватало, а на квартиру или собственную фирму – увы, нет.

Собственно у меня самой доход еще ниже: я переводчица. Перевожу, в основном, справочники и энциклопедии, сидя дома за компьютером и изредка, по мере необходимости получения денег, навещая в издательство. Так вот я как раз в тот злополучный вечер закончила перевод восьмого (и последнего) тома совершенно невразумительной Энциклопедии ЮНЕСКО. Закончила, отправила по назначению – и предалась сладким мечтам о том, на что, как и когда потратить причитающийся мне гонорар. Тут-то и случилось ЭТО.

Муж пришел с работы поздно, что в последнее время случалось все чаще. Я традиционно осведомилась, будет ли он ужинать. Он не менее традиционно отказался. И добавил:

– Майя, нам нужно поговорить.

– Что-нибудь случилось? – слегка взволновалась я. – У тебя неприятности на работе?

– Нет. Я давно собирался тебе сказать... Тебе не кажется, что мы стали совершенно чужими друг другу людьми?

Я только вытаращила глаза в немом изумлении. Десять лет вполне благополучного брака – и на тебе! Черт, мы же сексом занимались всего пару дней тому назад и получили от этого удовольствие. Вообще в наших отношениях ничего не изменилось! Что происходит?

Все эти мысли вихрем пронеслись в моей порядком уставшей за день голове и выплеснулись в виде ужасающе примитивного и старого, как сам мир, вопроса. Встречного, так сказать.

– У тебя появилась другая женщина?

– Это совсем не то, что ты думаешь, – столь же традиционно отвечал супруг.

– А что же?

– Нам нужно... Как бы тебе сказать?

– Так, чтобы я поняла.

Определенный налет нервозности в моем голосе, разумеется, присутствовал. Но не до такой степени, чтобы вызвать столь бурную реакцию.

– Я так и знал, что ты устроишь истерику! Мне это все уже до чертиков надоело!

Я не понимала ровно ничего. Истерику? Не мое амплуа.

Надоело? Каким образом, если до сих пор мы даже ни разу не ссорились по-серьезному? Так, мелкие дискуссии, минутные споры... Но супруг демонстративно развернулся и хлопнул дверью кухни. Я, естественно, поплелась за ним. Хотя, почему естественно? Сидела бы себе в кухне...

Муж курил в гостиной у окна. Я молча прислонилась к притолоке и попыталась найти как можно менее банальную фразу, чтобы возобновить диалог. Первая попытка уже с треском провалилась, и испоганить аналогичным образом вторую мне хотелось меньше всего на свете.

Молчание тем временем затягивалось, муж прикурил вторую сигарету от окурка первой. Я решила просто присоединиться к нему и тоже подошла к окну с намерением покурить.

– Это обязательно? – осведомился муж, не поворачивая головы.

– Что именно?

– Изображать вселенскую скорбь у меня над душой?

– Нет.

– Тогда дай мне побыть одному.

– Мне пойти погулять? – кротко осведомилась я.

– Как хочешь.

– Ты хотел поговорить...

– Хотел. Но мне не нужны истерики.

– Я спокойна, как горное озеро, – отозвалась я, щелкая зажигалкой. – Слушаю тебя внимательно.

Минут десять после этого я выслушивала пламенный монолог супруга, который он произносил практически без пауз. Из монолога следовало, что он устал жить с женщиной без духовных запросов, равнодушной к искусству и природе, всем компаниям на свете предпочитающей книгу или телевизор. Что со мной не о чем говорить, что мне совершенно безразличен его внутренний мир в частности и жизнь вообще, и что даже когда он приходит домой не поздно, а **очень поздно**, меня это мало волнует.

Последнее, по-видимому следовало понимать так, что я не устраиваю скандалов и допросов с пристрастием. Да не устраиваю, но вообще-то считаю это одним из своих достоинств. Но со стороны, как говорится, виднее.

– У других жены, как жены: домой приходишь – у ненаглядной рот не закрывается. А ты?

– А я?

– А ты сидишь за своими переводами или в игрушки на компьютере играешь.

– Дима, – мягко спросила я, – ты хочешь от меня уйти?

– А есть другие варианты? Уйдешь ты? Куда?

– А ты – куда?

– Как-нибудь устроюсь.

– Хорошо. Но почему так – вдруг?

– Накопилось.

– И... когда?

– Что когда? Когда накопилось?

– Нет, это я понимаю: за десять лет что угодно накопится. Но почему ты вдруг решил уйти?

– Накопилось.

Повтор – начало конца. Да и продолжать беседу мне почему-то расхотелось. А еще я почувствовала, что к глазам подступают слезы, и сейчас действительно начнется та самая истерика, которой меня заранее попрекал муж. Я ушла в спальню, вышла на лоджию и села в одно из стоявших там плетеных кресел. Полюбоваться видом, сделать несколько глубоких вдохов-выдохов, взять себя в руки... Если получится, конечно.

Самое прекрасное в нашей стандартной «двушке» – это вид с лоджии. Прямо перед домом, буквально в полусотне метров начинается зеленый массив – один из самых больших лесопарков в столице. А за ним – башни другого спального района с причудливой россыпью разноцветных огоньков. И совершенно завораживающие закаты, а также ночи – особенно безоблачные и лунные. Жаль, что всей этой красотой нельзя в полной мере наслаждаться в холодное время года, но сейчас, в начале августа...

Я подошла к открытой створке лоджии и облокотилась на подоконник. Седьмой этаж, не так уж и высоко, голова, во всяком случае, не кружится. Это была последняя мысль, пришедшая мне в не кружившуюся голову. А потом...

А потом я открыла глаза и увидела над собой относительно белый потолок. Кроме того, обнаружила, что в моей левой

руке торчит игла, а от нее прозрачная пластмассовая трубочка тянется к какому-то замысловатому сооружению. Прошло довольно много времени пока я сообразила, что лежу под капельницей в больничной палате, и что у меня ощутимо побаливает правое плечо. Но как я сюда попала и почему, а главное – от чего меня лечат, так и осталось задачей с очень многими неизвестными.

Еще через какое-то время рядом с кроватью возникла милостивая молодая брюнетка в белом халате и шапочке, которую, кажется, порадовало то, что у меня открыты глаза.

– Проснулись? – прошептала она, ловко освобождая мою руку от иглы, – вот и чудненько. Сейчас доктора позову.

– Где я? – не без труда удалось мне выдать из себя связный вопрос.

Идеально очерченные черные бровки выгнулись двумя домиками.

– В больнице, конечно.

Почему «конечно»? В какой больнице? Я постаралась осмотреться кругом и обнаружила, что нахожусь в довольно большой и светлой комнате с еще двумя кроватями. В данный момент – пустыми, но хозяйки у них определенно были. На тумбочках стояли цветы, бутылки с минеральной водой, лежали какие-то фрукты. На лично моей, надо полагать, тумбочке красовалась одинокая кружка с какой-то жидкостью.

Пить хотелось отчаянно, я приподнялась и схватила возделенный сосуд. Вода в нем оказалась с каким-то стран-

ным привкусом, но этой мелочью вполне можно было пренебречь, что я и сделала. Напилась – и буквально рухнула на свое ложе, все еще слабо соображая, что на самом деле происходит со мной и вокруг меня.

Появление еще одной фигуры в белом халате я восприняла как-то равнодушно. Но врач – а именно им фигура и оказалась, – был, судя по всему, настроен на обстоятельную беседу.

– Как мы себя чувствуем? – осведомился он.

– Никак, – честно ответила я. – Почему я в больнице?

– А зачем было из окна выбрасываться, голубушка? Чудо, что вы вообще живы остались и даже ничего не сломали. Очень у вас под балконом деревья и кусты хорошо расположены.

– Я не бросалась из окна, – с искренним изумлением ответила я. – С какого перепугу мне из него бросаться?

– Ну, с какого – это мы определим. Пока имеется как бы временное помутнение рассудка и частичная потеря памяти. Ничего, это лечится. Вы ведь больше из окон прыгать не станете? Или еще осталось такое желание?

– Как оно могло остаться, если его вообще не было?

– То есть вы настаиваете на версии несчастного случая? Или, может быть, вас кто-то выбросил из окна?

Последнее предположение показалось мне настолько диким, что я даже улыбнулась. Кто мог выбросить меня с лоджии? Муж? Абсурд!

Внезапно я вспомнила, что муж вроде бы собирался от меня уходить. Кажется, у нас с ним состоялся не очень приятный разговор. Кажется, я собралась разреветься и ушла на лоджию, чтобы успокоиться. Дальше, как говорится, тишина. И никаких подробностей нашей с мужем беседы я вспомнить не могла.

Вот тут-то я и заплакала.

— Ну-ну, голубушка, успокойтесь. Сейчас укольчик сделаем, поспите, головка прояснится. Наговориться мы с вами еще успеем, у нас пациенты лежат долго...

— Где — у вас? — сквозь слезы спросила я.

— В психиатрическом отделении, голубушка. Попытка суицида, сами понимаете...

Бедка заключалась в том, что ничего не понимала не только сама, но даже и с посторонней помощью.

Врач ушел, вместо него появилась давешняя медсестра и очень ловко вкатила мне обещанный укол. Я так и провалилась то ли в сон, то ли в беспамятство, успев только подумать, что я — в сумасшедшем доме. Как говорится, «приплыли».

Не знаю, сколько я проспала, но когда очнулась, в палате уже сгушались сумерки. Как и обещал врач, в «головке» у меня прояснилось, я приподнялась на локте и обнаружила, что уже не одна. На одной из коек, повернувшись лицом к стене, совершенно неподвижно лежала женская фигура, на второй сидела особа примерно моего возраста, почему-то в

туго завязанном платке, покрывавшем всю голову. Она читала какую-то порядком замусоленную книгу, но, по-видимому, почувствовала мой взгляд и оторвалась от этого занятия.

– Здравствуйте, – негромко сказала она. – Меня зовут Ниной.

– Майя, – так же негромко ответила я.

Меньше всего эта самая Нина походила на душевнобольную. Хотя... до сегодняшнего дня я пациентов дурдомов только по телевизору видела.

– Сейчас на ужин позовут, – продолжила Нина. – А нам сюда принесут. Первое время в столовую не ходят.

Есть мне не хотелось совершенно. Хотелось пить. Спасительная же кружка, увы, оказалась пустой. Что ж, подождем ужина, к нему, наверное, какой-нибудь чай полагается.

Ждать пришлось недолго. Дверь открылась. Вошла санитарка с подносом и скомандовала:

– Девчата, ужинать. Вика, вставай, ночью отлежишься. Вставай-вставай, нечего голодовки устраивать.

Неподвижная фигура с глубоким вздохом приняла сидячее положение, оказавшись очень молодой женщиной, скорее даже девушкой. Я увидела лицо такой красоты, что у меня от неожиданности дыхание перехватило. Тонкие, точечные черты, высокие скулы, рот, как пишут в плохих романах, «созданный для поцелуев» и огромные глаза какого-то необыкновенного фиалкового цвета, обрамленные очень густыми и длинными ресницами.

Когда она встала, то даже не слишком элегантный, явно больничный халат не скрыл того, что фигура полностью соответствует лицу. Добавьте к этому черные пышные локоны до лопаток... Ей бы на конкурсе красоты короны получать, а не в больничной палате отлеживаться. Вот только тонкие запястья обеих рук были перебинтованы...

Я так загляделась на Вику, что и не заметила, как санитарка поставила рядом со мной на тумбочку тарелку с какой-то размазней и кружку, прикрытую куском хлеба.

– Сидеть можешь? – спросила она меня.

Я кивнула, хотя была не слишком в этом уверена. Зато была совершенно уверена в том, что кормления с ложки не желаю категорически.

– Ну и ладно. Туалет при палате, в коридор выходить не нужно.

Санитарка ушла, причем я заметила, что дверь она отперла ключом, а запирать не стала, просто захлопнула за собой. Странно, право...

Я заставила себя проглотить несколько ложек совершенно безвкусной каши, сваренный из неизвестно чего, зато жидкий чай выпила с жадностью. После чего попыталась встать на ноги. Голова слегка кружилась, меня пошатывало, но до санузла, который действительно находился у входа в палату, я добралась без приключений. Там даже оказалась совершенно мне в данный момент ненужная душевая кабинка, зато не было возможности запереться изнутри.

И моя попытка выглянуть в коридор, увы, не увенчалась успехом. Ручки на двери не было, имелась только замочная скважина странной треугольной формы. И, уже возвращаясь на койку, я заметила на окне, распахнутом настежь в связи с очень жаркой погодой, самую что ни на есть настоящую решетку. Сказано же мне было: психиатрическое отделение. Похоже, я действительно поехала по фазе, если не запомнила такого яркого факта собственной биографии, как полет с седьмого этажа.

Мысль о том, что покинуть квартиру таким экстравагантным способом мне помог муж, я отмела с ходу. Не его стиль. Интересно, он обнаружил, что меня нет дома? Или ему это безразлично, поскольку он сам хотел уйти?

Я снова расплакалась, даже не понимая, по какому, собственно, поводу проливаю слезы. Наверное, потому, что не понимала ситуации, в которой оказалась. Хотя... я пока вообще-то не очень старалась ее понять. И еще мне смертельно хотелось курить, но тумбочка рядом с моей койкой была пуста: ничего похожего на какие-то мои личные вещи там не наблюдалось, а уж сигарет и подавно.

А без табачной палочки я не то что в этой замечательной палате – в номере-люкс отеля «Хилтон» сойду с ума максимум через три часа. Причем теперешнее плаксиво-подавленное состояние на фоне никотиновой абстиненции покажется веселым праздником в кругу друзей. Если только меня не станут лечить от пагубной привычки в принудительном, так

сказать, порядке. Но и этот процесс явно не сулил мне положительных эмоций.

Мои соседки к ужину практически не притронулись, так поковырялись в мисках чисто символически, только чай пили. Вернулась санитарка и вопрос вырвался у меня прежде, чем я успела подумать об его уместности. Равно как и о его последствиях.

– А где здесь можно покурить?

– Выпить не хочешь? – беззлобно отмахнулась от меня санитарка, собирая грязную посуду с тумбочки. – Или мужика в койку?

– Не хочу, – сохраняя максимум спокойствия из отпущенных мне минимальных для этого возможностей, ответила я. – Без сигарет я тут у вас загнусь.

– Попроси принести, – услышала я в ответ, и дверь захлопнулась.

Красотка Вика молча полезла в свою тумбочку и протянула мне пачку каких-то дорогих сигарет и зажигалку. Я вопросительно посмотрела на нее: дальше-то что? В постели я даже дома не курила, да и пепельницы поблизости не наблюдалось.

– Идите в туалет, Майя, – пришла мне на помощь Нина. – Нам там курить... Ну, скажем, не запрещают. В принципе.

– А вообще?

– А вообще нужно доказать, что ты больше не собираешься самоубиваться. Тогда переведут в открытую палату, а в от-

делении есть специальная комната для курения.

– Я вообще не собиралась... – начала было я, но Нина меня перебила:

– И я не собиралась. Идите курить, скоро вечерний обход.

Первая затяжка сладко ударила в голову, и на какую-то минуту я почувствовала себя совершенно счастливой. Как мало, оказывается, нужно человеку для счастья! Но на вторую минуту в кое-как заработавший мозг пришла мысль: а где я вообще буду брать сигареты? Если меня привезли сюда из дома... то есть со двора нашего дома, то должны же были установить мою личность и прихватить с собой хоть какие-то вещи, необходимые в больнице. Хотя бы сумочку с документами, деньгами и теми же сигаретами. О тапочках, халате, зубной щетке и прочих мелочах тоже никто не позаботился. И – что дальше?

Я вернулась в палату и застала уже знакомую картину: Вика лежит на постели лицом к стене, Нина сидит на стуле возле подоконника и любителю «небом в клеточку».

– Спасибо за сигарету, Вика, – сказала я, кладя пачку и зажигалку на тумбочку. – Вы меня просто спасли.

Вика не шелохнулась. За нее ответила Нина:

– Она у нас святая, ей ничего не нужно, все раздает. Так что не бери в голову, Майя... Ничего, что я на «ты»?

– Нормально. Так даже проще. А когда здесь передачи принимают?

Похоже, я с завидной скоростью вписывалась если не в тю-

ремный, то очень близкий к нему режим.

– Каждый день до обеда. Мне мама уже кое-что приносила. А у Вики с этим вообще проблем нет, сама видишь. Муженек грехи замаливает...

– Помолчи, Нина, – услышала я негромкий голос, такой же красивый, как и его обладательница. – Или говори о себе.

– О кей, – покладисто согласилась Нина. – В общем, когда тебе начнут передачи приносить...

В этот момент дверь отворилась и вошел врач в сопровождении медсестры, так что Нина оборвала начатую фразу на полуслове. Вика даже не шелохнулась, хотя именно к ней врач обратился в первую очередь:

– Ну, как мы сегодня? Все еще молчим? Виктория, красавица моя, ну, нельзя же так! Депрессия депрессией, но те лекарства, которые мы вам даем, должны помогать. А вы третий день рот не раскрываете. Как вас лечить прикажете?

Ноль реакции.

– Хорошо, добавим еще одно средство. Оно, правда, вызывает некоторое возбуждение, но, я думаю... Завтра с утречка и начнем. Спит она нормально?

Этот вопрос был адресован уже Нине. Та пожала плечами:

– Не знаю, я-то сплю, как убитая, пока утренние процедуры не начинаются. А то бы еще спала.

– А вы сегодня как?

– Как и вчера! – неожиданно резко отозвалась Нина. – Сюда нужно было не меня, а моего супруга определить, тут ему

самое место. А я бы и дома в себя пришла, быстрее, кстати, чем в вашем заведении.

– Нина, но ведь попытка самосожжения...

– Обычно заканчивается летальным исходом. А тут все здорово красиво: волосы сгорели, кожа на голове слегка пострадала. А остальное – в целости и сохранности.

– Милиция определила это как попытку суицида...

– Ах, Петр Андреевич, – с неожиданной горечью отозвалась Нина, – милиционеры, как и все люди, могут ошибаться. И ошибаются.

– Но признаки депрессии-то налицо...

– Точнее, на лице, – усмехнулась Нина. – Знаете, женщины – странные существа, очень трепетно относятся к своей внешности. А у меня волосы были – все бабы от зависти дохли. Такие только в рекламе по телевизору можно увидеть, и то – редко. Теперь нужно ждать, пока отрастут, да не останется ли проплешин. Да будут ли прежними... Как же тут без депрессии? Без депрессии тут никак не обойтись.

– Вылечим, – бодро обещал Перт Андреевич. – Сон наладили и с депрессией справимся. Вместе, конечно.

Нина только хмыкнула и махнула рукой. Доктор же переключил внимание на мою персону.

– Как самочувствие, Майя?

– А никак. Не понимаю, где я, что я, что делать и кто во всем этом виноват. И откуда вам известно мое имя, если документов при мне не наблюдается?

– Ну, где вы, мы, кажется, прошлый раз определили. А имя ваше назвал тот человек, который вывал «Скорую». Назвался вашим соседом по подъезду. Вы одна живете?

– Нет. С мужем.

– А где же вечером был ваш муж?

– Насколько я помню, дома. Это он меня сюда определил?

– Не думаю. Милиция звонила к вам в квартиру, никто не открыл.

Н-да. Чем дальше, тем интереснее...

– Ничем не могу помочь, – сухо ответила я. – Когда вышла на лоджию, муж точно был дома, сначала мы беседовали на кухне, потом он курил в гостиной.

– О чем беседовали?

– О том, что он от меня уходит.

– Вы были поражены? Или это был уже не первый подобный разговор? Как вы отреагировали?

– **Такой** разговор первый, мы вообще жили очень мирно. Я пыталась что-то лепетать, потом поняла, что сорвусь в истерику и ушла на лоджию.

– И...?

– И очнулась в вашем заведении.

– У вас была мысль покончить с собой прямо в тот же вечер?

– У меня вообще такой мысли не было. Я плакала, кажется. А потом подошла к открытому окну, из него вид очень красивый, успокаивающий.

– И...?

– И все, – уже с некоторым раздражением отозвалась я. – Возможно, муж собрал вещи и ушел, решил разговор не продолжать. Впрочем, не знаю.

– Завтра к вам придет дознаватель. Обычная процедура, ничего страшного. А мы вас пока полечим. Приведем в порядок, пообследуем...

– Не получится, – покачала я головой.

– Почему?

– То, что я без документов и денег – это полбеды. Но я без сигарет и без мобильного...

– А вы без них жить не можете? Кстати, мобильники у нас запрещены. С шести до восьми вечера можно позвонить с поста дежурной медсестры, если врач позволит.

– Я без сигарет жить не могу.

– Так пусть вам принесут. Передачи принимают ежедневно.

– Кто мне их принесет, если никто не знает, где я?

Против моей воли в моем голосе уже отчетливо слышались истерические нотки.

– Скажите, кому позвонить, мы сообщим.

– Мужу, – буркнула я.

– Кому еще?

Помимо названной кандидатуры у меня имелась еще только одна: Марина, моя единственная настоящая подруга еще со школьных времен. Но она в данный момент наслаждалась

морем и солнцем в Испании вместе с очередным бой-френдом. В издательстве, где я получала переводы и деньги за них, у меня были только хорошие знакомые, которые вряд ли обрадуются перспективе снабжать передачами коллегу в психушке. Но сообщить, конечно, придется, иначе будет нарушен контракт, а это, как говорится, чревато...

– Нужно сообщить на работу, иначе меня уволят. Но передачи оттуда мне никто носить не будет: я не состою в штате, работаю по контракту.

– А родители?

Хороший вопрос. Отца я не помнила вообще: они с мамой развелись, когда мне двух лет не было. После моей свадьбы, убедившись, что я уже достаточно взрослая и вполне замужняя женщина, мама нашла себе спутника жизни через международное брачное агентство и с тех пор мирно живет со своим Гансом в Дании. Не звонить же ей туда с моими новостями! Впрочем, звонить ей все равно придется: через пару-тройку недель, не получая от меня даже писем по электронной почте, мамуля поставит на уши всех, кто окажется в пределах ее досягаемости.

– Мама живет за границей, – ответила я. – Сообщить ей, конечно, нужно, но вопрос с передачами по-прежнему остается открытым.

– Так, – задумчиво сказал Петр Андреевич, и воцарилось молчание.

Потом он достал из кармана почти полную пачку сигарет,

зажигалку и положил на мою тумбочку.

– На первое время хватит, – прокомментировал он свой рыцарский поступок. – А там что-нибудь придумаем.

У меня предательски защипало глаза, и это от него не укрылось.

– Вот это уже лишнее. Минеральной воды вам принесут, я распоряжусь. Засим, милые дамы, желаю вам доброй ночи. Я сегодня дежурю, так что...

– Остается уколиться и упасть на дно колодца, – достаточно внятно пробормотала Нина.

– Именно, – улыбнулся Петр Андреевич и вышел.

Улыбка у него была очень приятная, от нее чересчур уж чеканные черты лица становились мягче и... притягательнее, что ли.

– Курить пока потерпи, – посоветовала Нина. – После укола подымим – и в койку. Впрочем, Вика уже там. Вика, растормозись хоть на несколько минут, в молчанку с персоналом поиграешь. А то Майя тебя, по-моему, боится.

К моему глубокому изумлению, Вика отреагировала на призыв Нины вполне адекватно: села, обхватив колени руками и... улыбнулась. Нет, губы у нее даже не дрогнули, просто каким-то немислимым образом лицо точно засветилось изнутри.

– Какая же вы красавица! – совершенно произвольно вырвалось у меня.

И лицо Вики тут же погасло. Снова передо мной была

неподвижная маска или лик мраморного изваяния, кому что больше нравится.

– Простите, пробормотала я, совершенно растерявшись, – я не хотела вас обидеть.

– Я не обиделась, – негромко ответила Вика. – Только никогда больше ничего не говори о моей внешности. И не «выкай». Мы тут все – одного поля ягоды.

– Хорошо, – кивнула я.

– Ну, будем считать процедуру знакомства законченной, – подытожила Нина. – Майя, а ты действительно не сама прыгнула?

– Не помню. Но такого желания у меня точно не было, могу поклясться. И потом: как можно навернуться с седьмого этажа и отделаться ушибленным плечом?

– И не такие чудеса случаются, – хмыкнула Нина. – Возьми мой случай. По словам врачей, меня нашли в бессознательном состоянии на кухне, причем одежда на мне была мокрой от бензина, и по всему полу растеклись бензиновые лужи. А обгорели волосы... Ты кто по профессии?

– Переводчик, – ответила я.

– Допустим. Детективы переводила?

Я покачала головой.

– Ну, хотя бы любишь их?

– Люблю, – совершенно искренне ответила я.

Детективы я действительно люблю, особенно классические: Агату Кристи или Конан Дойла. Но и современными,

в том числе, и женскими не пренебрегаю: прекрасное релаксирующее средство. Прочла – а через неделю можно читать заново, в голове практически ничего не застревает. Кстати, еще один пункт, по которому мы с мужем категорически не совпадали: он признавал только «интеллектуальное чтение», то есть такое, о котором дискутируют действительно интеллигентные люди. Например, какого-то современного японца (хоть убейте, не могу запомнить имя!) или «Парфюмера», от которого меня стошнило – физически! – где-то на пятой странице.

– Ну, так вот тебе задачка для детектива-любителя. В помещении, залитом бензином, лежит женщина с зажигалкой в руке. Помещение в полном порядке, никаких следов возгорания. Любящий супруг обматывает голову женщины мокрым кухонным полотенцем, предотвращая тем самым трагедию. Как при таком раскладе могли полностью сгореть волосы?

Я очень четко представила себе всю картинку. Меня, естественно, передернуло, но основную мысль Нины я уловила: о какой попытке самосожжения может идти речь при таком раскладе? И почему, а главное, как сгорели волосы?

Я ничего не успела сказать: пришла медсестра, вкатила нам каждой по уколу, и я даже не могла потом вспомнить: курила я перед сном или вырубилась практически мгновенно.

Глава вторая. Костер любви. Нина

Наша новая соседка отключилась через две минуты после укола. Даже головы от подушки не подняла. Мне бы так! Но на меня, к сожалению, снотворное действовало медленнее, так что я успела и покурить, и – в который раз! – кое о чем поразмыслить. Точнее, снова восстановить в памяти реальный ход событий.

До того, как угодить в хоть и комфортабельную, но все-таки психушку, я работала старшим менеджером в довольно большом отеле. Работа нервная, день ненормированный, но мне нравилось решать неразрешимые, казалось бы, проблемы, каждый день встречаться с новыми людьми, руководить многочисленным персоналом. **Это** было мое.

К сожалению, муж мой так не думал. Имея изрядную долю восточной крови, он совершенно искренне полагал, что место женщины – в доме. На кухне или в спальне – неважно, главное, чтобы сидела дома и рожала детей. А мне как раз не хотелось ни того, ни другого.

«Залетев» один раз по глупой случайности, я сумела в полной тайне от мужа сделать аборт, да еще умудрилась скрыть это от коллег, а главное – от начальства. Но больше рисковать не желала и поэтому приняла радикальные меры. Спираль и таблетки. Пять лет меня это не подводило, но муж все чаще заговаривал о том, что мне нужно обследоваться на

предмет возможного бесплодия.

— А если окажется, что я не могу иметь детей? — осведомилась я у него после очередной беседы «тебе бы надо бы...». — Ты со мной разведешься?

Муж посмотрел на меня, как на умственно отсталого ребенка и изрек:

— Естественно.

Мило, не правда ли? Плюс — бешеная ревность в сочетании с неприкосновенностью его собственной личной жизни. И как меня угораздило выйти замуж за такого человека?! Впрочем, Армен взял меня штурмом, после долгой и упорной осады, постепенно отрезая все пути к спасению. Через полгода такой политики я выкинула белый флаг и сдалась на милость победителя.

Если бы просто сдалась, то есть — отдалась, еще куда ни шло. Но я, дура непроходимая, согласилась на официальный брак. Свадебное платье немыслимой красоты и стоимости, фата, белый лимузин и сотня перепившихся в модном ресторане гостей, большую часть из которых я просто не знала. Горько!

Ох, как же мне действительно стало горько, когда улеглась буря страстей и наступили семейные будни. Кроме внешности, я не соответствовала ни одному из требований, предъявляемых Арменом законной супруге. Не любила готовить, предпочитала заказывать ужин на дом, а обедать — либо на работе, либо в кафе. Совершенно не была готова к материн-

ству... ну, это понятно. Тихо ненавидела все без исключения «святыи женские обязанности»: стирку, глажение, уборку и тому подобное, хотя и старалась выполнять их более или менее добросовестно. Понятно, что подобные жизненные установки не способствовали идеальным семейным отношениям.

В конце концов Армен настоял на том, чтобы я проконсультировалась со специалистами. Слава Богу, он был выше того, чтобы сопровождать меня на все эти консультации и обследования. В результате я с тщательно скрываемым торжеством предъявила ему вердикт медиков: совершенно здорова и вполне способна зачать, выносить и родить полноценного ребенка, и не одного.

Увы, это лишь усугубило ситуацию. Ведь теперь негласно подразумевалось, что наш брак остается бездетным по вине самого Армена. Ни поверить в это, ни, тем более, смириться он не мог. И с этого момента во все более категоричной форме требовал, чтобы я оставила работу и посвятила все время решению проблемы зачатия. Но тут уж уперлась насмерть я. И даже заговорила о разводе.

Это было с моей стороны очередной невероятной глупостью. Во-первых, с точки зрения Армена, инициатива развода могла принадлежать исключительно мужчине. Во-вторых, если я так цепляюсь за свою работу в отеле, значит... правильно, у меня там имеется любовник. А может быть и не один. Жизнь медленно, но верно начала превращаться в

небольшой домашний ад. Или в филиал сумасшедшего дома.

Красавицей я себя назвать не могу, но с фигурой у меня все в порядке, кожа такая, что завидуют все коллеги женского пола, а волосы Господь вообще дал такие, что обделил ими минимум трех женщин. Не рыжие, а того оттенка, который называют «тициановским», очень густые и пышные, принимающие любую форму и укладываемые в любую прическу. В распущенном же виде они окутывали меня практически до бедер. Немудрено, что я ими страшно гордилась, холила и лелеяла.

В результате одним далеко не прекрасным вечером, когда я вернулась домой чуть живая от усталости, я пропустила критическую точку в ревнивых выпадах супруга, к тому же огрызнулась и заявила, что завтра же подаю на развод.

– Хочешь гулять на свободе? – подозрительно спокойно осведомился Армен.

– Хочу нормально жить.

– С кем?

– Этот вопрос не обсуждается.

– Правильно. Обсуждать мы его не будем. Но если ты действительно хочешь от меня уйти, то...

– То что? Убьешь?

Армен покачал головой.

– Нет. Но научу уму-разуму на всю оставшуюся жизнь.

Он вышел из кухни, громко хлопнув дверью, и я решила, что на сегодня представление закончилось. Размечталась!

Армен вернулся почти сразу – с канистрой бензина. Я так и не смогла убедить его не хранить в доме легковоспламеняющиеся жидкости: запас горючего для автомобиля на лоджии не переводился. Неужели муженек собрался куда-то ехать на ночь глядя?

Я ошиблась: он никуда не собирался. Он зачем-то достал из кармана зажигалку и протянул ее мне.

– И что? – несколько даже опешила я.

– Урок начинается, – невозмутимо отозвался Армен. – Потерпи чуть-чуть, дорогая.

Не успела я глазом моргнуть, как супруг зажег все четыре конфорки нашей газовой плиты, потом вдруг крепко сжал мне запястья и толкнул к ней. Не просто толкнул – нагнул так, что мои распущенные волосы накрыли собой всю поверхность плиты с четырьмя озерцами синего пламени. Я услышала легкое потрескивание, запахло паленым волосом, но вырваться из железных объятий мужа не было возможности.

Огонь опалил кожу на голове, я закричала от боли и, кажется, на какое-то время потеряла сознание. Очнулась уже лежа на полу, почему-то вся мокрая, а от тошнотворного запаха бензина резало глаза и першило в горле.

– Последний штрих, дорогая, – услышала я откуда-то издалека голос Армена.

И в рот мне полилась жгучая жидкость крепостью градусов в сто. У меня мелькнула дикая мысль, что это – тоже бен-

зин, потом краем сознания прошла другая, более здравая, что это – спирт. А потом – полный провал, мрак и безмолвие.

Очнулась я уже в больничной палате, а возле моей койки сидел симпатичный молодой мужчина в белом халате. Такой типичный врач из американских мелодрам, если вам понятно, о чем я.

– Как вы себя чувствуете? – задал он традиционный вопрос медиков всех времен и народов.

– Скверно, – призналась я. – Голова просто раскалывается.

Это было лишь частью правды, поскольку у меня был еще и омерзительный привкус во рту и даже подташнивало. Не знаю, какие ощущения возникают при тяжелом похмелье, но по описаниям я страдала именно от него. Хуже всего, впрочем, действительно было голове. Я поднесла к ней руку и обнаружила то ли бинт, то ли марлевую, туго завязанную косынку.

– Что со мной? – испугалась я так, как не пугалась никогда в жизни. – Я попала в аварию?

– Нет. Насколько мне известно, пытались покончить с собой в состоянии сильного алкогольного опьянения.

– А зачем повязка на голове? – только и смогла спросить я.
– Легкие ожоги кожи. Ничего страшного.

Ничего страшного? Я вспомнила запах паленых волос, обжигающую боль, кое-что из дальнейшей фантазмагии и всхлипнула:

– У меня сгорели волосы?

– Да, и вы очень легко отделались. Просто чудо, что ваш муж успел помешать вам сгореть заживо.

Помешать? Да он же сам все это и устроил! В том числе, кстати, и «состояние алкогольного опьянения».

– Я не пыталась покончить с собой, – собрав всю силу воли, ответила я. – И не пила. Я вообще равнодушна к спиртному.

– Да? Когда вас доставили вчера поздно вечером, вы были смертельно пьяны. Если это называется равнодушием к спиртному...

– Меня насильно напоили. И сожгли мне волосы.

– Какие-нибудь садисты-маньяки? – участливо осведомился врач.

– Нет. Мой муж. Я сказала, что хочу развестись с ним, а он...

И тут у меня началась самая настоящая истерика. Я только теперь поняла, какую жестокую шутку сыграл со мной муженек. Как же плохо я, оказывается, знала человека, с которым жила!

Мне сделали укол, дали выпить какую-то не слишком вкусную жидкость, сопроводив ее парой таблеток, а когда я затихла немного, поставили капельницу. Так с иглой в вене я и уплыла в бесконечный, вязкий сон без сновидений, но с какими-то символами и знаками то и дело всплывающими перед моим внутренним взором. Ничего более жуткого, чем

этот сон, я до сих пор не видела. И продолжалось это состояние, как я потом узнала, не несколько часов, а больше суток.

Когда я снова начала ориентироваться во времени и пространстве, капельницы уже не было. На тумбочке возле кровати стояла миска с какой-то кашей и кружка с жидкостью бурого цвета. Соображала я уже много лучше, поэтому кашу съела, не обращая внимания на ее вкус, и содержимое кружки тоже опробовала, но так и не смогла определить, чай это, какао или кофе с молоком. Впрочем, какая разница?

Оглядевшись, я обнаружила, что нахожусь в трехместной палате с решеткой на окне. Одна койка была пустой, на второй неподвижно, с закрытыми глазами лежала под капельницей молодая женщина или девушка. По подушке рассыпались роскошные локоны цвета вороного крыла...

Зеркало в туалетной комнате, которая находилась при входе в палату, явило мне малоприятное зрелище. Судя по всему, меня обрили наголо, а на марлевой повязке кое-где проступали желтоватые пятна. Надо полагать – места ожогов. Лицо выглядело так, словно я месяц пребывала в глухом запое. В общем, картина маслом кисти неизвестного художника.

Хотя, почему неизвестного? Муженек решил поучить меня уму-разуму, а коль скоро слова и поступки у него обычно не расходятся, урок получился на славу. Забыть я его уж точно не смогу, простить – тем более. Вот сумею ли я отомстить, это был вопрос посложнее. Рано или поздно меня

отсюда выпускают, лишь бы не слишком поздно. А там, как пелось в популярном когда-то телефильме, «Посмотрим, кто у чьих ботфорт в конце концов согнет свои колени...»

Я вернулась в палату, но лечь уже не стала. Села на стул возле окна и принялась размышлять, как отсюда выбраться. Здравый смысл, потихоньку возвращавшийся ко мне, подсказывал: осмотрись, не спеши. Ведь совершенно неизвестно, каким образом Армен обставил эту мою госпитализацию.

В этот момент в палате появилась женщина в зеленых брюках и блузе. Судя по всему, санитарка или медсестра. Первое предположение оказалось верным: женщина забрала поднос с пустой посудой, одобрительно хмыкнув при этом.

– Доброе утро, – вежливо сказала я.

– Оклемалась? Смотрю, поела. Молодец. Значит, долго здесь не задержишься.

– Это что, такая примета?

– Нет. Если пациент все съедает, значит, процесс пошел, куда надо. А соседка твоя спит, что ли?

Я пожала плечами.

– Наверное. Вчера ее, кажется, не было.

– Значит, поздно вечером привезли. Вены, дурочка, вскрыть себе пыталась. Все-то вы, девки, дурью маетесь, не живется вам в свое удовольствие...

– Мне бы покурить, – робко вякнула я.

– А кури в туалете, только дверь плотнее прикрывай. Ве-

щички твои в тумбочке.

Она развернулась и ушла. А я полезла в тумбочку, где обнаружила собственную сумочку с документами и косметикой, а также пакет, где лежали туалетные принадлежности, несколько пачек сигарет, зажигалка, старый шелковый халат и домашние шлепанцы. Я подумала, что Армен ничего не забыл, во всяком случае, из предметов первой для меня необходимости. Образцово-показательный любящий муж!

Покурила я, правда, не без удовольствия, хотя и в не слишком комфортных условиях. А потом надела поверх больничной рубахи свой халат и снова заняла стратегическую позицию у окна. Моя соседка так и не шевельнулась, и если бы не пульсировавшая у нее на шее маленькая голубая жилка, я бы решила, что она, в лучшем случае, в коме.

Где-то через час (хотя не знаю точно, часов у меня не было) дверь снова отворилась и появился знакомый мне врач.

– О, уже на ногах! – весело заметил он. – Уникальный, должен сказать, случай в моей практике.

– И что же в нем такого уникального? – поинтересовалась я.

– Ну, суицидники у нас обычно дня три пластом лежат, а если в комплекте с алкоголем – и того дольше.

– Ну, а шизофреники вяжут веники, – вспомнила я старую песенку о сумасшедшем доме. – Я лично, уважаемый...

– Петр Андреевич, – любезно подсказал он.

– Я лично, Петр Андреевич ничего уникального не вижу.

Потому что на жизнь свою не покушалась и спиртного не пила. Добровольно. Весьма вероятно, меня им накачали принудительно, для убедительности общей картины.

– Какой картины?

– Той, которую, надо полагать, зафиксировала «Скорая помощь». Вусмерть пьяная баба с обожженной головой в луже бензина и с зажигалкой в руке.

– Но ведь все так и было!

– Не совсем. Позвольте изложить мою версию?

Петр Андреевич позволил. Он выслушал все молча, лишь изредка приподнимая брови, то ли в недоумении, то ли у него просто была такая мимическая особенность. Когда я закончила, он подвел итог:

– Значит, это не попытка суицида, а проявление одним из супругов насилия по отношению к другому супругу. Будем вызывать дознавателя?

– Однозначно, – кивнула я. – Муж и жена, конечно, одна сатана, двое дерутся – третий не мешай и так далее. Но я твердо намерена с этим браком покончить, так что будем привлекать нашу доблестную милицию.

– Так и сделаем, – кивнул Петр Андреевич. – Пусть спрашивают вас и вашего... гм... супруга. Если принять на веру вашу версию, то за ним следует забронировать место за решеткой, причем в другом заведении.

– А это реально? – усомнилась я.

– Определенная доля вероятности имеется. Кстати, он из-

вестил о случившемся вашу матушку, та уже с утра пораньше сюда примчалась. Но разрешить вам свидание я пока, увы, не могу. Есть определенные правила...

– Понимаю, – кивнула я. – Что ж, может, это даже и к лучшему. Вряд ли маму порадует мой теперешний вид.

Петр Андреевич кивнул и отошел к соседней койке. Крассавица на ней по-прежнему была недвижима и безмолвна.

– Виктория! Виктория, вы меня слышите? Откройте хотя бы глаза.

Никакой реакции. С таким же успехом он мог бы беседовать с восковой куклой. Только у кукол не бывает перебинтованных запястий.

– Тоже суицидница? – осведомилась я у Петра Андреевича.

– Других здесь не держат, – отозвался он, – в смысле, в таких палатах. Мы недавно открылись, у нас тут все по науке. Увидим, что пациент становится адекватным – переводим в открытую палату, разрешаем телефонные переговоры, прогулки, свидания... Это пока еще образцово-показательное заведение, символ того, что наша психиатрия становится все более современной и гуманной. Добро, Нина, еще увидимся. Я распоряжусь, чтобы вам принесли мамину передачу. И от таблеток не советую отказываться, нервы лечить нужно в любом случае.

Я не стала с ним спорить. Нервы, конечно, после такого происшествия лечить просто необходимо, да и торчать тут

до второго пришествия я не собиралась.

В пластиковом пакете, который мне вскоре принесли, обнаружили фрукты, пакет сока, минеральная вода и конфеты, а также какой-то старый детектив и... шелковая косынка. Невооруженным глазом было видно, что хотя мама собирала все это в страшной спешке и растрепанных чувствах, все необходимое она положила. Об этом же красноречиво свидетельствовала и приложенная к передаче записка.

«Доченька! Как же ты так?! Хорошо, что Арменчик успел вовремя. Лечись, береги себя, я буду ходить через день. Арменчика, как назло, в командировку отправили. Целую тебя. Напиши, что нужно. Мама».

Да, обожаемый зять и тещиньке мозги запудрил, и от обязанности навещать свихнувшуюся супругу отделался. Молодец! Моя мама в нем души не чает: видятся они не часто, а когда приходится, он ее убалтывает комплиментами, да рассказами, как он ее доченьку обожает. Меня, то есть. Еще раз скажу: молодец!

В этот момент мне показалось, что в палате что-то изменилось. Я оглянулась и обнаружила, что соседка пришла в себя и смотрит широко открытыми глазами прямо перед собой. Даже не глазами – глазищами невероятно красивого и редкого фиалкового цвета.

– Привет, – сказала я как можно более жизнерадостно. – Меня зовут Нина. А ты – Вика?

Длинные, пушистые ресницы дрогнули, на миг опусти-

лись и тут же снова распахнулись. Интересно, она немая или это последствие шока?

– Пить хочешь? – задала я следующий вопрос.

Та же реакция. Я подошла к ней, взяла стоявшую на тумбочке кружку и помогла Вике приподняться. Она пила так же жадно, как и я какое-то время тому назад. Когда кружка опустела, а голова Вики снова упала на подушку, я услышала даже не шепот – шелест:

– Спасибо...

Слава тебе, господи, не немая! Но я не успела обрадоваться, как Вика подняла свободную от капельницы руку и приложила к своим губам тонкий пальчик с безупречным маникюром...

Моя работа с огромным количеством самых разных людей научила меня многому. В том числе, пониманию недомолвок и жестов. Вика явно не хотела говорить с врачом, но сочла необходимым поблагодарить меня за заботу. И совершенно четко дала мне понять, что все должно остаться между нами. Любопытно...

Как раз в этот момент вошла медсестра, хорошенькая брюнетка с очень живыми глазами. В руках у нее был подносик с двумя мензурками и какими-то таблетками. Она ловко отсоединила Вику от капельницы, потом таким же заученным движением приподняла ей голову, забросила в рот таблетку и влила туда же содержимое мензурки. После чего повернулась ко мне явно с теми же намерениями. Ну уж это

спасибо!

– Я сама, – сказала я.

Сестра недоверчиво на меня посмотрела и предложила... открыть рот. А, черт с ней, в конце концов! Так что таблетку мне скормили, как сахар лошади, воду, правда, я выпила самостоятельно. Хоть и маленькая, но все-таки победа над режимом.

Время тянулось бесконечно. Читать мне пока не хотелось, лежать – тоже но пришлось: под капельницу, из которой в мой организм медленно просачивалось неизвестно что: называть компоненты процедурная сестра отказалась наотрез:

– Что врач прописал, то и вливаем.

Ну, раз врач сказал «в морг», значит – в морг, вопрос обсуждению не подлежал. Под этой самой капельницей я, кажется, задремала, поскольку обед принесли как-то подозрительно быстро.

Описывать эту трапезу не буду: те, кто лежал в больнице, и сами никогда подобное не забудут, а если не довелось – все равно не поймут, поскольку это неопишуемо.

Вика есть ничего не стала, несмотря на уговоры санитарки, но лекарство, как и в прошлый раз, приняла покорно. Я заметила, что на ее тумбочке появился роскошный во всех смыслах слова букет: некоторые цветы из него я вообще видела впервые в жизни.

– Сумасшедшей красоты цветы, – сказала я, когда мы остались в палате одни. – От одного взгляда на них настро-

ение поднимается.

Ответом мне была легкая гримаска то ли недовольствия, то ли раздражения.

– Ты бы поела, – предложила я. – Если только лекарства принимать, неизвестно, как мозги отреагируют.

– Сок в тумбочке, – неожиданно четко, хотя и шепотом, отозвалась Вика.

В тумбочке был не только сок, но и всевозможные фрукты, коробка роскошных шоколадных конфет, еще какие-то коробочки. Одна из них показалась мне знакомой – «Рафаэлло». Я решительно вскрыла эту коробочку, сунула одну конфету Вике в рот, потом занялась процедурой наливания сока. Сама же Виктория без моей помощи приняла полусидячее положение и сок выпила с видимым удовольствием.

– Курить хочешь? – спросила я. – Тут у тебя блок шикарных сигарет.

Вика покачала головой.

– Не сейчас. Потом, может быть.

И снова легла, повернувшись лицом к стене. Очень кстати (для нее) как оказалось: щелкнул замок и в палату в сопровождении медсестры вошел мужчина средних лет и средней наружности, белый халат которого был наброшен на милицмейскую форму.

– Данилова, к вам пришли!

Ага, значит, Петр Андреевич не просто поболтал с очередной пациенткой, а принял какие-то меры. В смысле, при-

влек к моему делу внимание правоохранительных органов.

– Майор Степанов, – представился новоприбывший. – Пришел побеседовать с вами о недавних... событиях.

– Спасибо большое, – искренне поблагодарила я.

– Не за что, работа такая. Так в чем проблема, Нина Максимовна?

– Проблема в том, что я не покушалась на свою жизнь, так что психически вполне здорова.

– А волосы зачем спалили?

– Зачем их спалили **мне?** – уточнила я. – А затем, чтобы раз и навсегда отбить охоту затевать разговор о разводе. Это чисто мужская привилегия, как оказалось.

– То есть волосы вам сжег муж? Я правильно понимаю?

– Абсолютно. Зажег все четыре конфорки и нагнул меня над плитой спиной к огню.

– В заключение «Скорой» написано, что вы были в состоянии...

– Сильного алкогольного опьянения, – устало завершила я уже знакомую фразу. – Только в заключении не сказано, что спиртное мне в рот влили тогда, когда я уже была в шоковом состоянии от страха и боли.

– Вы хотите сказать, что вас напоили силком?

– Не напоили, а напоил. Вполне конкретный человек, мой собственный супруг. Сначала он расправился с моей шевелюрой, а потом соответствующим образом выстроил мизансцену.

– А вы не преувеличиваете?

– Господин майор, вам наверняка доводилось видеть попытки самосожжения. Ну, если не лично наблюдать, то хотя бы в кино. Человек обливает себя бензином с ног до головы, а потом подносит спичку или зажигалку...

– К одежде, – машинально закончил майор.

– Именно. Очень неудобно поджигать волосы, особенно длинные. Они ведь всю спину закрывают, у меня, например, закрывали даже, извините, «казенную часть». И как я, по-вашему, ухитрилась их спалить, не причинив вреда остальному?

– Все, что вы рассказываете, действительно странно. Хотите написать заявление о применении к вам силовых методов?

– Знаете, не просто хочу – мечтаю.

– Посадить думаете?

– Обязательно. Только не в тюрьму.

Майор воззрился на меня в полном изумлении:

– А... куда же?

– Да хоть сюда вот, – безмятежно ответила я. – Или в другую какую-нибудь психушку, покруче. Чтобы палаты – на двенадцать человек, пациентов к койкам привязывают и в туалет – только под конвоем.

– Мысль интересная, – хмыкнула майор. – Но если давать делу ход, вашего супруга все равно для начала могут только в КПЗ упрятать.

– Это уже детали. Я хочу выйти отсюда и развестись. Не хочу жить с человеком, который способен на такое. Не хочу и не буду.

– Пишите заявление, Нина Максимовна.

– Давайте бумагу, ручку и диктуйте.

На написание заявления ушло минут пятнадцать, после чего майор счел своим долгом меня предупредить:

– Вы особенно не обольщайтесь. Свидетелей не было, как все произошло на самом деле, знаете только вы двое. И у каждого своя версия.

Я только плечами пожала.

Майор ушел. Больше всего меня злило отсутствие часов: обед уже был, а сколько времени осталось до ужина – неизвестно, заняться абсолютно нечем. Разве что покурить...

Когда я вернулась из туалета, то обнаружила, что моя соседка снова открыла глаза и лежит, разглядывая потолок.

– Пить хочешь? – спросила я. – Или покурить?

– Умереть я хочу, – неожиданно внятно, хотя и тихо произнесла Вика. – Вот и все.

– Ты это брось! – испугалась я. – Вон, один раз уже попробовала не жить, сама видишь, что получилось. И врачу ничего не говори.

– А с врачом я вообще разговаривать не собираюсь. Помоги мне встать, пожалуйста.

Я помогла ей добраться до санузла, где она пробыла достаточно долго. А когда снова вернулась в палату, то налила

себе сока, достала из тумбочки плитку какого-то шоколада и угостила меня. Мне эта ее щедрость вдруг стала подозрительной.

– Не бойся, я тебя не подкупаю, – будто бы прочитав мои мысли, улыбнулась Вика. – С тобой я общаться буду, с врачами – нет. Пока, во всяком случае.

– И сколько ты собираешься молчать?

– Ровно столько, сколько потребуется, чтобы все обдумать и понять.

Что ж, логично. Просто так человек себе вены резать не будет, для этого нужны достаточно уважительные причины. Пусть помолчит, подумает.

– Я слышала твой разговор с милиционером, – сказала Вика. – Одна ты с этим делом не справишься. Если только твой муж чистосердечно во всем не признается, точнее, не явится с повинной.

– Это вряд ли, – вздохнула я. – Мама записку прислала, муженек мой в срочную командировку отбыл.

– Это возможно?

– Теоретически – да. Но обычно он мне о командировках заранее говорит, только возвращается всегда внезапно.

– Значит, липа, – равнодушно констатировала Вика. – Может, и уехал, только не в командировку. Ему сейчас встречаться с милицией вроде бы ни к чему.

– Значит, взял отгулы и куда-то смылся, – согласилась я. – Чутье на неприятности у него всегда было отменное.

– А пока он не объявится, дело никто не начнет. Верно?

– Более чем, – согласилась я.

– Вот видишь...

В этот момент начала открываться дверь в палату и Вика молниеносно приняла уже знакомое мне положение: лицом к стене. На сей раз нам принесли по стакану какой-то мутноватой жидкости типа компота и по паре печений. Когда санитарка ушла, Вика повернулась ко мне и сказала:

– Надо барахтаться. Сбивать молоко в масло, иначе потонем. Думаешь, я сама себе вены резать решила? Нет, Нина, не одну тебя подставили, мы обе – в одной команде.

Глава третья. Золотая клетка. Виктория

Сколько себя помню, столько мечтаю стать некрасивой. Да-да, именно об этом мечтаю, хотя у всех нормальных (и ненормальных, наверное, тоже) девушек мечты всегда прямо противоположны моей. Они грезят об идеальной фигуре, смазливом личике, поскольку считают, что все это автоматически обеспечивает яркую и невероятно счастливую жизнь.

Если бы это было так, я была бы самой счастливой женщиной на свете. Красотой родители и природа наградили меня с избытком. Но – в порядке компенсации, полагаю, – снабдили совершенно неженским складом ума и полнейшим равнодушием к представителям противоположного пола. И это еще не все.

Меня угораздило родиться в семье с достатком, мягко говоря, ниже среднего, зато с целой кучей практически неразрешимых проблем. Мы жили в двухкомнатной смежной «хрущобе» с совмещенным санузелом и крохотной кухней, причем на первом этаже, а значит – даже без балкона, зато всегда – в полумраке. Отец систематически пропивал всю зарплату слесаря ЖЭКа, мать работала медсестрой на две ставки, да еще бегала делать уколы частным образом, бабушка медленно, но верно сползала в маразм, а мой старший

брат старался проводить дома как можно меньше времени. Где его носило целыми днями — оставалось только догадываться, и просто чудо, что все как-то обходилось без конфликтов с милицией.

Мне же мальчишки не давали прохода класса с шестого, за что меня же люто ненавидели чуть ли не все девчонки в школе. Я была хуже всех одета, но все равно... Да еще и училась исключительно на «пятерки». Особых усилий от меня это не требовало: я с первого раза запоминала прочитанную страницу с точностью до запятой, а все, сказанное учителем на уроке, могла дословно повторить даже несколько месяцев спустя. В результате я была самым настоящим изгоем и никак не могла понять: за что? Я же не виновата в том, что у меня хорошая память.

Подруг у меня, естественно, не было, ни на какие вечеринки и дискотеки я не ходила (да и не в чем было бы ходить!), зато научилась виртуозно обращаться с пьяным отцом и полусумасшедшей бабкой. То время, которое у меня оставалось свободным от них и разных домашних дел, я тратила на чтение.

А потом в нашей школе появился компьютерный класс... Господи, как же я была счастлива! Этап «чайника» я преодолела за считанные недели, а потом с каждым днем становилась все более и более умелым компьютерщиком. Мне казалось, что мы с умной машиной составляем одно целое. А уж когда я научилась сама писать программы и создавать

компьютерные игры, все остальное фактически потеряло для меня смысл. Я жила только тогда, когда сидела перед монитором и нажимала на клавиши.

Увы, о собственном компьютере я могла только мечтать. Все заработанные мамой деньги уходили на самое необходимое. Мне же подрабатывать было некогда: бабушка уже нуждалась в круглосуточном уходе.

Школу я закончила с золотой медалью и, ни на секунду не задумываясь, подала документы в МГУ на мехмат. Вступительных экзаменов у меня не было: за время учебы в школе я столько раз становилась лауреатом и победителем всевозможных физико-математических олимпиад, что грамотами можно было бы обклеить всю нашу квартиру. Иногда я об этом задумывалась почти всерьез: ремонт нашему жилищу требовался уже давно, а денег не было даже на обои.

Впрочем, в этом – в отсутствии денег – была виновата и я сама. Сколько раз мне на улице предлагали «сняться в кино», стать «лицом рекламы» неизвестно чего, фотомodelью, манекенщицей! Я только отмахивалась, искренне не понимая, как можно заниматься такой чепухой, если есть возможность стать высококлассным специалистом по компьютерам. Обыкновенные же свидания, которые мне пытались назначить по десять раз на день, я просто игнорировала.

Как я уже говорила, мужчины меня не интересовали совершенно, а об отношениях полов я узнала слишком рано и слишком много: супружеская жизнь моих родителей, то есть

ее интимная сторона, фактически происходила на моих глазах и совершенно не вдохновляла, а вызывала чувство омерзения. Да еще – острую жалость к матери, которая то и дело «залетала» и потом наспех и по дешевке делала аборт. В неполные сорок пять лет она выглядела на все шестьдесят, да еще с хвостиком.

Но... от судьбы, как говорится, не уйдешь. Поэтому первая физическая близость с мужчиной у меня произошла без всяких свиданий, ухаживаний и тому подобной чепухи. Меня элементарно изнасиловали, когда я возвращалась вечером домой из института. Изнасиловали три пьяных подонка, лиц которых я от ужаса и отвращения даже не разглядела...

Когда я, чуть живая, доползла до дома, мама, не вникая в суть произошедшего, назвала меня шлюхой и наградила оплеухой. Вот и вся поддержка, которую я получила. Слава Богу, что не забеременела: вряд ли я бы смогла пережить еще и это.

Между тем, Интернет был уже не научной фантастикой, а просто новым образом жизни. И сама жизнь стала для меня чуть-чуть полегче: бабушка умерла, брат подался на ПМЖ куда-то за границу и в квартире стало заметно просторнее. Отец, правда, пил по-прежнему, но у меня теперь была своя маленькая комната и по сравнению с прошлыми годами все выглядело просто детскими игрушками. Главное: я могла какое-то время побыть совершенно одна, ни с кем не общаясь.

Кое-какие деньги я теперь зарабатывала сама: писала про-

граммы, делала сайты, разрабатывала игры. Мама могла уже ограничиться одной ставкой и не надрываться – нам бы хватило. Но тут случилась настоящая беда: у мамы обнаружили какое-то редкое и плохо поддающееся лечению заболевание крови. Больница, лекарства, усиленное питание, снова больница... Теперь мне самой хватало денег только на то, чтобы не умереть с голоду.

Маму в очередной раз положили в больницу, и я в очередной раз пришла ее навестить. Но до палаты не дошла: меня перехватила заведующая отделением.

– Зайдите ко мне, деточка, – медовым голосом сказала она.

Я похолодела. Такое предложение могло означать только одно: смертный приговор матери. Но я ошиблась.

– Деточка, – сказала заведующая, усадив меня в кресло в своем кабинете, – вашей маме можно помочь. Появилось одно новое, очень эффективное лекарство. Но... очень дорогое, конечно.

Я оторопела: смеется она надо мной, что ли? Ведь прекрасно знает, что денег на дорогое лекарство у нас нет, едва хватает на дешевое.

– Я все понимаю, – закивала она сочувственно. – Но есть человек, который мог бы вам помочь. То есть оплатить весь курс лечения.

– И что от меня для этого требуется? – осведомилась я.

– Просто встретиться с ним и рассказать о своей проблеме.

ме.

– И все?!

– Ну, дальше вы уже сами договаривайтесь, но я думаю, что ничего такого страшного или, упаси Бог, криминального вам делать не придется. Он очень богат и очень... щедр. Любит помогать людям. Позвоните ему вот по этому телефону, сошлитесь на меня.

И она протянула мне белую визитную карточку с золотым обрезом, на которой было написано: Забелин Александр Борисович. И номер телефона. Ни должности, ни титула, ни звания – ничего такого, на что сейчас так падки все, у кого есть деньги, чтобы заказать визитку.

На следующий день я позвонила. По-видимому, это был его служебный телефон, поскольку приятный женский голос осведомился, как меня представить. И почти тут же я услышала в трубке сочный мужской баритон:

– Слушаю вас, Виктория.

– Александр Борисович, мне сказали, что...

– Да-да, я в курсе. Вот что мы с вами сделаем: приезжайте ко мне в офис... ну, скажем, через час. И мы спокойно побеседуем.

Если у меня и были какие-то страхи и предчувствия, то после этого короткого разговора они испарились без остатка. И я поехала по любезно названному мне секретаршей адресу: не в самый центр Москвы, но и не на ее окраину. Там, в окружении стандартных пятиэтажек я обнаружила обнесен-

ный каменным забором участок, размером с футбольное поле, а на участке – внушительных размеров особнячок, выстроенный в довольно затейливом стиле. Эдакая смесь средневековой готики и раннего модерна.

Ворота распахнулись, едва я назвала в переговорное устройство свою фамилию. В вестибюле, в стеклянной будке солидных размеров сидел охранник. Он попросил у меня паспорт, а взамен выдал кусочек пластмассы: универсальный ключ, как оказалось.

Но ключ мне не потребовался. В вестибюле возник молодой человек атлетического сложения и осведомился:

– Вы Виктория?

Я кивнула.

– Я провожу вас к Александру Борисовичу. Пойдемте.

Вот это прием. Можно подумать, что не мне отчаянно нужен господин Забелин, а именно я позарез нужна ему.

Мы поднялись на второй этаж, прошли через запертую на кодовый замок дверь и, миновав небольшой коридор, оказались в приемной. За столом, уставленным всякой оргтехникой, сидела элегантная женщина средних лет, надо полагать, секретарша. При нашем появлении она встала и негромко сказала:

– Здравствуйте, Виктория. Вас ждут.

Она открыла одну из выходящих в приемную дверей и провозгласила:

– Александр Борисович, ваша гостья прибыла.

И сделала мне приглашающий жест. Несколько шагов по устилавшему пол нежно-зеленому бобриковому покрытию, и я оказалась в святая святых – кабинете самого шефа.

Наверное, подсознательно я ожидала увидеть один из тех роскошных кабинетов, который так любят показывать в телесериалах. Но это была всего лишь просторная, с двумя окнами комната, значительную часть которой занимали письменный стол хозяина (замечу, без единой бумажки) и представленный к нему торцом длинный стол с креслами. Надо полагать, для заседаний. Целую стену занимали застекленные полки с книгами и разными сувенирами. Вот, пожалуй, и все.

Зато сам Александр Борисович уж точно поразил мое воображение. Это был жгучий брюнет, волосы у которого росли, кажется, везде, кроме... головы. Она была абсолютно лысой. Цепкие темные глаза украшали очки в символически-тонкой оправе. Ни золотой цепочки на груди, ни перстней... Не так я себе представляла мецената-миллионера.

– Присаживайтесь, Виктория, – мягко улыбнулся он.

Улыбка у него, кстати, была совершенно неотразимой.

– Можно просто Вика, – пискнула я, неловко плюхаясь в комфортное кресло для посетителей.

– Договорились, – снова одарил меня улыбкой собеседник.

В этот момент секретарша вкатила столик с каким-то невероятным количеством предметов: чайник, кофейник,

чашки, вазочки с конфетами и пирожными, еще что-то... Действительно, прием по высшему разряду.

– Кофе? Чай? – осведомился у меня хозяин кабинета.

– Кофе, пожалуйста, – ответила я.

Слишком быстро ответила и со слишком большой заинтересованностью в голосе. Обожаю кофе, но это для меня слишком дорогое удовольствие.

Секретарша налила в чашечку восхитительно пахнущий напиток. Александр Борисович предпочел чай.

– Слушаю вас, – произнес он, когда секретарша удалилась, бесшумно затворив за собой дверь.

А я не знала, с чего начать. Со времени фантастического предложения финансовой помощи, с того момента, как заведующая отделением больницы вручила мне визитную карточку Забелина, я сто раз мысленно репетировала свой монолог. Но именно сейчас все тщательно подготовленные слова вылетели у меня из головы.

– В принципе, я в курсе вашей проблемы, – пришел мне на помощь Александр Борисович. – И готов вам помочь. Оплата лечения – уже решенный вопрос. Но сейчас, после личного знакомства, мне кажется, что этого недостаточно. В чем нуждаетесь вы сама?

«В хорошем компьютере», – чуть не брякнула я, но вовремя прикусила язык. Даже если завтра в нашей квартире и появится это чудо техники, самое позднее через три дня оно исчезнет. Отец пропьет, как систематически пропивает все,

что имеет хоть какую-то цену.

– Вы работаете, Вика? – прервал затянувшуюся паузу Александр Борисович.

– Я учусь в институте. И подрабатываю, конечно.

– У такой красивой девушки есть для этого масса способов.

– Простите? – не поняла я.

– Вы можете быть манекенщицей, фотомodelью...

– Актрисой, – устало закончила я. – Увы, меня эти предложения совершенно не прельщают.

Брови моего собеседника изумленно поползли вверх.

– А что же вас... прельщает?

– Программирование, – коротко ответила я. – Работа с компьютером.

– Очень интересно. А что об этом думает ваш друг?

– Какой друг?

– Ну, может быть, возлюбленный или жених. Простите, что вторгаюсь в вашу личную жизнь...

– Не за что. У меня нет ни друга, ни возлюбленного, ни жениха.

– И... не было?

Я покачала головой.

– Меня эта сторона жизни совершенно не интересует.

– Но что-то ведь у вас есть... для счастья?

– Конечно. Когда отец ночует не дома, а в вытрезвителе, я могу выспаться. Или когда у мамы бывает некоторое улуч-

шение здоровья.

«Или когда мне удастся взломать защиту какого-нибудь „крутого“ сайта, а потом виртуозно замести следы». Но этого я своему собеседнику сообщать не собиралась. Это была моя самая интимная тайна.

Впрочем, Александр Борисович все-таки сумел вытянуть из меня информацию о, так сказать, «детстве, отрочестве, юности». И воспринял эту информацию как-то очень эмоционально.

– Бедная девочка, досталось вам... Ну, теперь считайте, что все ваши неприятности позади. Маму вылечим, с отцом разберемся, ваши материальные проблемы тоже... аннулируем. А с такими внешними данными, как у вас, быстренько найдем мужа-миллионера.

– Ну, это уже лишнее, – даже испугалась я. – Вы и так собираетесь изменить мою жизнь до неузнаваемости, причем к лучшему. Я же буду перед вами в неоплатном долгу.

– Почему? Есть разные способы возвращать долги. Впрочем, в данном случае ни о каком долге и речи не идет. Я люблю помогать людям.

– Как я смогу вас отблагодарить? – само по себе вырвалось у меня.

– Скажите мне «спасибо» и этого будет довольно.

Я подумала, что так бывает только в сказках, а бесплатный сыр – только в мышеловке. Что за все в жизни так или иначе приходится платить. Чаще всего сразу, иногда – в рас-

срочку. Но других аттракционов в этом луна-парке все равно не было.

– Большое спасибо, – вежливо сказала я. – Вы, наверное, очень заняты. Я...

– Вас отвезут домой, – прервал меня Александр Борисович. – Прямо сейчас отвезут. Но... Но я бы хотел увидеть вас еще когда-нибудь.

– Ну... разумеется... я только... у мамы в больнице... институт...

Ничего более связного я произнести не могла, как ни пыталась.

– Я вам позвоню, – опять пришел мне на помощь Александр Борисович. – Вы не откажетесь как-нибудь со мной пообедать?

– Конечно! – с огромным облегчением выдохнула я.

Только долгое время спустя я поняла, что именно в этот момент и щелкнула пружина мышеловки, в которую я ринулась, как говорится, «добровольно и с песней». Но тогда события стали разворачиваться стремительно и прекрасно. Мамино здоровье заметно улучшилось, отца каким-то волшебным образом определили на лечение от алкоголизма, дома было тихо и спокойно, а я с головой ушла в институтские занятия и работу.

Кстати, первый обед с Александром Борисовичем прошел великолепно. Маленький, почти пустой зал какого-то ресторанчика, вкусная еда, интересная беседа. Мой покровитель

(так я его про себя определила) не делал никаких сомнительных предложений, не рассыпался в пошлых комплиментах и вообще как бы не замечал, что я – особа противоположного пола. Проводил меня до подъезда и раскланялся, отбив по своим делам. После этого примерно раз в неделю звонил, но опять же как добрый и заботливый дядюшка. При самом горячем желании я не могла ни к чему придаться.

Месяц спустя Александр Борисович снова пригласил меня пообедать. Маму уже выписали из больницы, настроение у меня было прекрасное и я не видела причин для отказа. Этот обед начался так же, как и первый (причем в том же самом ресторанчике), но закончился несколько неожиданно. Для меня.

– Вика, – сказал Александр Борисович проникновенным голосом, – я хотел бы попросить вас об одном одолжении. Вы мне не откажете?

– Разумеется, нет, – не задумываясь, отозвалась я. – А что я должна сделать?

– Не должны, Вика, а можете... если захотите. Меня пригласили на одно очень важное мероприятие, но туда нужно идти со спутницей, такие правила игры. Я не женат, постоянной подруги у меня нет, некогда, знаете ли, ухаживать и все такое... Если бы вы согласились сопровождать меня...

Честно говоря, я растерялась. Мероприятие? Какое? Почему на него нужно идти обязательно с дамой? И в чем я пойду на это самое мероприятие? Тем более, что я их вооб-

ще ненавижу.

– Вы не волнуйтесь, – словно бы прочитал мои мысли Александр Борисович, – парадную форму одежды и все такое вам обеспечат. От вас потребуются только мило улыбаться и поддерживать светскую беседу... если понадобится, конечно.

– Я не умею... светскую...

– Значит, будете просто мило улыбаться. Это даже лучше. Вы согласны?

Как я могла отказать ему в такой ерунде?

Через неделю Александр Борисович сам заехал за мной вечером. То есть за рулем машины, конечно же, был шофер, но мой покровитель впервые переступил порог моего, мягко сказать, непрезентабельного жилища. И надо отдать ему должное: никаких эмоций не выразил, хотя наверняка был шокирован увиденным. Я имею в виду квартиру, потому что меня к этому вечеру подготовили по полной программе: косметические процедуры, прическа, макияж и элегантный вечерний туалет. Точь-в-точь как в фильме «Красотка».

– Вы неотразимы, дорогая, – только и сказал Александр Борисович.

Руку он поцеловал, только не мне, а моей маме, задал ей несколько учтивых вопросов о ее здоровье и отмахнулся от выражений благодарности. Пообещал доставить меня домой не слишком поздно в целости и сохранности, и мы с ним отправились на «мероприятие».

Сколько подобных приемов мне потом пришлось посетить! Но если в первый раз все было ново и интересно, да и трусила я порядком, хотя действительно пришлось только улыбаться и в порядке исключения произнести несколько ни к чему не обязывающих слов, то потом для меня все это стало настоящей пыткой. Просто потому, что нагоняло смертельную скуку, и еще... и еще по некоторым более важным причинам.

Спустя два месяца я получила о Александра Борисовича... предложение руки и сердца. Точнее, получила не я, а моя мама, которая на своего «спасителя-благодетеля» только что не молилась. Естественно, она чуть ли не на коленях умоляла меня это предложение принять: в случае отказа могло произойти все, что угодно, включая прекращение материальной и прочей поддержки, к которой она (да и я тоже, если честно) уже успели привыкнуть. Что мне оставалось?

– Но вы же меня совсем не знаете, – попробовала я поговорить на очередном обеде вдвоем. – Зачем я вам понадобилась?

– Во-первых, знаю я о вас, Вика, почти все. Виноват: после вашего визита ко мне за вами месяц следили, и очень пристально. Все подтвердилось. Вы редкая девушка: не лжете, не кокетничаете, равнодушны к «красивой жизни», хотя сами невероятно красивы. О такой жене можно только мечтать.

– Но я... я не люблю вас.

– А вы никого не любите, – усмехнулся Александр Борисович. – И меня это вполне устраивает. Привыкнете. Быть моей женой значительно интереснее, чем просто сопровождать меня на всякие тусовки. Любое ваше желание будет исполняться мгновенно. И ваши родители... словом, вам о них не придется беспокоиться.

– Но я хотела бы закончить институт...

– Ради бога, Вика, заканчивайте хоть три! Я же сказал: любое ваше желание будет исполнено. Просто будете ездить на занятия на машине с шофером, и возвращаться – так же. И не придется подрабатывать, будете жить в свое удовольствие.

– Похоже, у меня нет выбора, – улыбнулась я, наивная идиотка.

– Похоже на то, – подтвердил Александр Борисович.

Через месяц я стала его женой. Свадьба – по моей просьбе – была сверхскромной, медового месяца, как такового, не было: Александр Борисович на три дня отвез меня в Вену, которую я почему-то с детства мечтала увидеть. И еще я переехала в его загородный дом, где у меня было все, о чем только можно мечтать. Все, кроме... свободы.

На машине с шофером-телохранителем – в институт. Таким же образом – домой. Никаких факультативов, никакой подработки. Конечно, я могла сколько угодно ездить по магазинам, всяким салонам красоты и прочим местам, о которых большинство женщин может только мечтать. Но... это

мне было решительно неинтересно. Точнее, скучно.

Так же скучно было почти каждый вечер сопровождать своего теперь уже супруга на всевозможные светские мероприятия. Тоскливо и занудно выслушивать однообразные комплименты и улыбаться механической улыбкой. От шампанского у меня болела голова, но никто упорно не желал понять, что я предпочитаю минеральную воду с лимоном или сок. Слава Богу, Александр Борисович терпеть не мог фотографов, так что эта чаша меня миновала. Равно как и необходимость отклонять постоянные предложения об интервью всевозможных глянцевого журналов: это кто-то делал за меня.

Через год внезапно скончался мой отец. Официальная версия – сорвался и снова запил, вот сердце и не выдержало. Но мое собственное сердце подсказывало мне, что все не так просто, хотя никаких доказательств у меня, естественно, не было. Впрочем, я бы покривила душой, если бы сказала, что смерть отца нанесла мне глубокую травму. К сожалению, подобную травму она нанесла маме. Понять ее страдания по поводу ухода из жизни человека, который не принес ей ничего, кроме горя, я не могла. Но мама страдала и, в свою очередь, не могла понять моего равнодушия.

В результате наши с ней отношения стали заметно прохладнее – с ее стороны, во всяком случае. Соответственно и встречаться мы стали реже. В моей помощи она не нуждалась: сотрудники Александра Борисовича обеспечивали ее

всем необходимым и сверх того. Но все-таки это был единственный человек, которого я любила. И которого горько оплакивала после внезапной, необъяснимой смерти во сне. «Остановка сердца», – сказали мне. Возможно, так оно и было, только мне казалось, что сердце остановилось у меня.

Квартиру Александр Борисович распорядился продать, деньги перевел на мой личный счет, который, правда, всецело находился под его контролем. И какое-то время спустя я осознала, что меня очень умело заперли в клетку: роскошную, необыкновенную, но клетку. В которую, к тому же, в любой момент мог вторгнуться муж и потребовать чего угодно: от исполнения пресловутого «супружеского долга» до поездки с ним за границу, где у него были какие-то дела, а у меня – возможность сидеть в очередном роскошном номере очередного пятизвездочного отеля. Правда, я могла осматривать местные достопримечательности, но опять же только с сопровождающим.

Единственной остававшейся отдушиной был мой персональный компьютер, с которым я, собственно, и проводила практически все свободное время. И довольно быстро сообразила, что все мои занятия, а главное – путешествия по сети Интернета контролируются не менее жестко, чем мое собственное поведение. Ну, тут я могла оказать достойное сопротивление: установила защиту такого уровня, что моим надсмотрщикам была доступна лишь крохотная вершинка огромного айсберга. Считалось, что я играю во всякие игры

и периодически захожу на типично женские сайты. На самом деле...

На самом деле я научилась всему, что может дать современная электроника. Для меня не существовало никаких кодов, паролей и сложнейших систем защиты, я их даже не взламывала, просто открывала одним движением руки. Не могу сказать, что мое поведение было безупречным: я потихонечку таскала деньги из самых разных банков и складывала на специальный счет, доступ к которому имела только я. Зачем мне это было нужно? Затем, что через два года счастливой семейной жизни я начала всерьез задумываться о бегстве и уходе в «нелегалы».

К этому времени я уже знала достаточно много о деятельности своего супруга. Пожалуй, даже слишком много. В том числе, удостоверилась в том, что меценатство и благотворительность вовсе не являлись его любимыми занятиями. Случай со мной был, пожалуй, уникальным, но объяснялся очень просто: меня купили. Купили как любую продажную женщину, только обставили это очень изысканно и я бы даже сказала – затейливо. И легально уйти мне было некуда, да и практически невозможно: никто бы меня не отпустил. Александр Борисович патологически не любил выпускать из своих рук то, что в них попало, даже если ему это было не слишком нужно.

А я, увы, была ему нужна. Возможно, он даже по-своему любил меня, хотя интимная сторона нашего брака была,

мягко говоря, странной. Моя абсолютная инертность в постели его несколько не смущали и не отталкивали, он делал со мной все, что хотел и когда хотел, и не ждал никакой ответной реакции. К тому же он хотел, чтобы я родила ему ребенка, конечно, сына, продолжателя бизнеса. Но с этим как-то ничего не получалось, хотя я имела только теоретическое представление о средствах предохранения и ими не пользовалась. По-видимому, мой организм не был создан для материнства, вот и все. Но Александр Борисович был одновременно терпелив и неумолим.

Мое же терпение кончилось в тот день, когда я получила диплом об окончании института. «Красный диплом», разумеется. И, разумеется, тем же вечером завела разговор о своем трудоустройстве, но натолкнулась на самую настоящую каменную стену.

– Моя жена работать никогда и нигде не будет, – отрезал супруг.

– Но что же мне делать?

– Господи, да что хочешь!

– Я хочу работать.

– Зачем это тебе, скажи на милость?

– Затем, что интересно.

– Заинтересуйся чем-нибудь другим.

– Например?

– Ну... чем угодно. Другие женщины ведь находят себе занятие по душе. Хочешь, куплю пару хороших коней, бу-

дешь кататься верхом? Очень полезно для здоровья.

– Я, кажется, на здоровье не жаловалась. В общем, я бы хотела работать. Пусть даже в твоей фирме.

– Забудь. На фирме тебе вообще делать нечего.

– Мне и так нечего делать.

– А мне некогда придумывать тебе развлечения. Все, разговор закончен. Надеюсь, мои пожелания будут учтены.

Я промолчала. А про себя решила, что нужно освободиться от этого брака, который все больше и больше напоминал рабство. Мне не нужны были ни модные наряды, ни меха, ни драгоценности, меня абсолютно не интересовала светская жизнь. Мне хотелось двух вещей: работы и свободы. Как очень скоро выяснилось, и то, и другое было почти одинаково нереально.

Тем не менее, я посмела послушаться. Составила резюме и разослала по нескольким адресам, где вакансии представляли для меня какой-то интерес. И, получив первый ответ, отправилась на собеседование, совершенно открыто, не делая из этого никакой тайны. За что и была наказана мгновенно и достаточно жестоко.

За ужином (дома, что бывало крайне редко) Александр Борисович подозрительно кротким голосом осведомился у меня о том, как я провела день. Я отчиталась – коротко, без излишних деталей. Но и этого оказалось больше, чем достаточно.

– Я же сказал – забудь, – все тем же кротким голосом ска-

зал мне муж. – Но мои слова для тебя, по-видимому, пустой звук. Что ж, поступим иначе. Возможно тогда ты что-нибудь поймешь.

Я глазом моргнуть не успела, как один из личных помощников Александра Борисовича крепко прижал меня к стулу, удерживая за плечи, а второй сделал какой-то укол в вену. Подействовало мгновенно: предметы сначала расплылись, потом все вокруг потемнело, я перестала слышать, а потом – перестала быть вообще...

Когда я очнулась, то обнаружила, что нахожусь в помещении, больше всего похожем на больничную палату. Это и оказалось палатой, только в психиатрическом отделении. Запястья обеих рук были перебинтованы, а появившийся врач объяснил мне, что я пыталась перерезать себе вены, и меня спасли только чудом. А попытка суицида – это проявление душевного расстройства, которое нужно лечить.

Вот так из одной тюрьмы я попала в другую – куда менее комфортабельную. Конечно, меня можно было запихнуть и в более «элитную» психушку, но, по-видимому, мой супруг счел это недостаточно суровым наказанием. А обычную психбольницу исключил из планов, во-первых, из-за возможной утечки информации, а во-вторых, полагаю, из остатков человеколюбия. Экспериментальное образцово-показательное заведение устраивало его по всем параметрам.

Сказать, что я испытала потрясение, значит, ничего не сказать. Остатков моей сообразительности хватило только на

то, чтобы хранить молчание. Я не разговаривала ни с врачами, ни с сестрами, ни с санитарками. Почти не притрагивалась к роскошным передачам, исправно доставлявшимся в палату. И только несколько дней спустя, осознав, что обе мои соседки, точнее, сестры по несчастью, оказались точно так же «подставлены», как и я, начала думать, как из этой ситуации выбираться. Задача была почти невыполнимой, но трудности меня никогда не останавливали, только подстегивали. Нужно было создать программу, только не для компьютера, как обычно, а для нас троих. Таковую, чтобы мы вышли на свободу с минимальными потерями, а наши обидчики расплатились по полной программе.

Трудно, конечно. Но – возможно, если все тщательно обдумать, выверить все ходы и начать действовать методиче-ски и целеустремленно. Причем не одной, а с двумя помощницами, которые, к счастью, психически были вполне полноценны. Нужно было только объединить имевшиеся у каждой из нас возможности.

Глава четвертая. Одна за всех и все за одну

– Девочки, я здесь, кажется, пятый день, – сказала Майя утром после того, что в лечебнице именовалось «завтраком». – А вы сюда попали раньше меня. Так и будем сидеть?

– А что ты предлагаешь? – поинтересовалась Нина. – Выломать решетку и сбежать с третьего этажа по водосточной трубе? Или простыни связать и по ним спуститься? Глупости все это. Нам нужна реальная связь с внешним миром. А ее пока нет. Мой муженек где-то скрывается, и вряд ли кто-нибудь будет особенно напрягаться в его поисках. Твой благодетель, Майя, вообще словно испарился...

Действительно, приходивший еще раз милицейский чин сообщил Майе, что ее мужа нет ни дома, ни в офисе, хотя из страны он вроде бы не отлучался. Для человека, который ни в чем предосудительном не замешан, довольно странное поведение. Впрочем, и его если и искали, то достаточно вяло.

– Нужен человек, понимающий толк в розыске, – подала голос Вика, – но не из милиции, а со стороны. Кто-нибудь вроде начальника охраны моего супруга. Вот он бы быстро нашел обоих ваших красавцев, если бы, конечно, получил от хозяина соответствующее распоряжение.

– У нас в отеле тоже есть начальник службы безопасно-

сти! – внезапно обрадовалась Нина. – Отставной полковник, только я не знаю, из каких органов. Но мужик отличный, у меня с ним всегда был полный контакт. Он мог бы помочь.

– Если ты сможешь с ним связаться, – остудила ее порыв Вика.

– Ну, выпустят же нас когда-нибудь из этой камеры. А там есть телефон, я знаю...

– Ну да. И по этому телефону ты на все отделение будешь расписывать свои проблемы? Нина, это несерьезно. Нужен мобильный телефон.

– Нина, ты могла бы попросить Петра Андреевича, – поддержала Вику Майя. – Он, по-моему, хороший мужик, да и к тебе испытывает особую симпатию...

На какое-то время в палате воцарилась тишина. Действительно, лечащий врач оказывал Нине куда больше внимания, чем двум остальным пациенткам. Но станет ли он рисковать, чтобы помочь в общем-то невинной жертве? Если бы еще речь шла только о Нине – да, возможно. Но помогать заодно двум ее соседкам – это, как говорится, вряд ли. За подобные штуки можно и с работы вылететь, и еще кучу других неприятностей поиметь. Оно ему нужно?

– Я могла бы попросить мобильный телефон, – нарушила молчание Вика. – Мне бы его доставили, уверена. Но так же уверена, что все разговоры с него прослушивались бы и записывались. Пока я была на воле, именно так со всеми моими разговорами и происходило. Правда, я почти ни с кем

не общалась...

– Ну и пусть пишут, на здоровье, – усмехнулась Нина. – Мне бы только с Вадимом связаться, а уж он-то найдет возможность установить непосредственный контакт и без телефона.

Вика пожала плечами.

– По-моему, лучше попробовать вариант с Петром Андреевичем.

– А по-моему, – вмешалась Майя, – нужно попробовать оба варианта. А мне бы дождаться возвращения в Москву подруги. Она такая шустрая, любую проблему в шесть секунд сможет разрулить.

«Военный совет» был прерван появлением медсестры с очередной дозой лекарств для обитательниц палаты. Эти таблетки им уже надоели до чертиков, но увильнуть от приема медикаментов не было никакой возможности: персонал бдел, работал не за страх, а за совесть, так что пришлось глотать и готовиться к тому, что на несколько часов любая умственная деятельность будет практически блокирована и наступит состояние, которое Нина метко окрестила «тупым пофигизмом». Возможно, для действительно душевнобольных это и было необходимо, но для здоровых...

«Надо как-то связаться с Мариной, – вяло думала Майя, уставившись в потолок. – Она хотя бы милицию потеряет, заставит найти моего благоверного... Или – ну их всех? Побуду здесь, отдохну от работы, от всего... Какая разница:

прыгала я с лоджии или меня оттуда „урунили“? Я же все равно ничего не помню, да и не хочу помнить...»

«Выйти отсюда – и что? – размышляла Нина в аналогичной позиции. – Не буду же я убивать Армена, хотя бы он это-го и заслуживал. А разводиться придется... Так какая разница, завтра я начну этот процесс или через месяц? Прежней жизни не вернуть, а начинать новую... лениво. Здесь как-никак кормят и посуду за собой мыть не заставляют. А Петр Андреевич действительно симпатяга...»

«Только бы эти таблетки не убили профессиональных навыков, – заклинала про себя Вика. – Только бы они не подействовали необратимо на умственные способности. К мужу я все равно не вернусь, значит, он меня убьет. Не сам, конечно, но переселение в мир иной обеспечит. Если я не успею подстраховаться и дать ему понять, что лучше меня не трогать. Но для этого нужен компьютер, а мне сейчас даже думать о нем неприятно... Господи, ну и что? Приятно или неприятно, но нужно что-то делать. Иначе я тут застряну на неопределенный срок и выйду не человеком, а растением. Впрочем, и это, если вдуматься, неплохо: с растения какой спрос?»

Петр Андреевич зашел в палату тогда, когда пик действия лекарств начал спадать. Визит был внеурочный, чему все три пациентки слегка удивились.

– Нина, ваша матушка сегодня придет побеседовать со мной.

Молодые женщины переглянулись: такое развитие собы-

тий можно было считать очень даже благоприятным.

– А я могу передать вам для нее записку? – спросила Нина.

– Можете, конечно. Хотя... вы же знаете, записки пациентов у нас проверяют.

– Так я и не делаю из нее тайны. Всего несколько строк, можете сами прочитать. Просто у меня на работе остались дела, нужно, чтобы коллеги их завершили. Сама же я не могу им позвонить, правда?

– Пишите, – согласился Петр Андреевич. – Бумага и ручка у вас есть?

– Есть. Мама передала.

Нина присела к столу и начала писать. Петр Андреевич тем временем обратился к Виктории:

– А вы все еще молчите, красавица наша? Не надоело?

Ответа не последовало, зато Майя тут же кинулась на выручку, как Александр Матросов – на амбразуру.

– Петр Андреевич, с вами не связывались из милиции? Нашли моего супруга?

– Пока не связывались. Думаю, если его найдут, то тут же дадут об этом знать. Все-таки подозреваемый...

– Вот записка, Петр Андреевич, – вмешалась Нина. – Можете прочитать.

Петр Андреевич пожал плечами:

– Знаете, Нина, я вам доверяю. И, между прочим, не считаю, что у вас нелады с психикой. Только одного моего мне-

ния мало для того, чтобы вас выписать. История-то, согласитесь, непростая.

– Согласна. Поэтому и хочу, чтобы она упростилась.

Петр Андреевич положил сложенный вдвое листок в карман и молча вышел.

– Нина, – подала голом Вика, – а ведь наш милый доктор к тебе неравнодушен.

– С чего ты взяла? – изумилась Нина.

– Не слепая, вижу, какими глазами он на тебя смотрит. Ни Майя, ни я, такого внимания не достаиваемся.

Нина только махнула рукой, снова и снова прокручивая в голове те несколько фраз, которые она написала матери:

«Мама, позвони, пожалуйста, мне на работу, попроси связать тебя с Вадимом Петровичем Гришиным. Передай ему, где я и почему и скажи, что мне нужна помощь и связь. Как можно более эффективная. Целую тебя...»

Вадим Петрович был начальником службы безопасности отеля и отношения у них с Ниной с самого начала сложились очень хорошо. Он никогда не пытался за ней ухаживать, но они частенько заходили друг к другу выпить кофе, покурить и поболтать «за жизнь». Нина была уверена, что отставной полковник ей поможет. Впрочем, как ни ломала она голову, других вариантов у нее все равно не было.

– Ты попросила о мобильнике? – нарушила тишину Вика.

– Иносказательно. Они ведь тут запрещены.

– Знаю, – кивнула Вика. – Пожалуй, и я напишу свое-

му супругу. Следующей, так сказать, почтой. Для него слово «нельзя» – совершенно непонятное. По-моему, он его в детстве забыл выучить. Или просто забыл. В любом случае, найдет способ передать, хотя бы из любопытства.

– Какого любопытства? – поинтересовалась Майя.

– Он прекрасно знает, что звонить мне некому, только ему самому. Да и телефон будет прослушиваться, так что он ничем не рискует.

– Тогда зачем это?

– Да хотя бы затем, чтобы ты могла связаться с кем-нибудь по своим собственным делам. Этот сюжет моего супруга никаким боком волновать не будет, ты ему не интересна. Он меня наказывает...

– Тебя наказывает, Нину супруг наказывает... А вот за что меня так? Я ведь не отказывалась дать ему развод, да и не удерживала. Точнее, не успела ни согласиться на развод, ни отпустить с миром. И все равно отказалась тут. Странно как-то...

– Вот если Нине удастся связаться с ее полковником, то, может быть, заодно и эта странность проясниться, – заметила Вика. – Со мной-то все просто и понятно: либо я прошу прощения и тут же возвращаюсь домой, тихая и покорная, либо меня заставят все это сделать. Есть, правда, еще один вариант: просто убьют.

– Ты так просто об этом говоришь? – изумилась Майя.

– А это как раз и есть самый простой вариант. Прислать

сюда кого-нибудь в белом халате и со шприцем. Или добавить чего-нибудь в капельницу. Никто и разбираться не будет, почему. Умерла и умерла, как говорится, к черту подробности. Вам обеим отсюда выбраться куда легче...

Вика замолчала и устало прикрыла глаза. Она лукавила. на самом деле вариантов у нее было только два. Первый – самый легкий и наиболее вероятный – умереть. Уж в этом-то ей помогут, можно даже и не сомневаться. Второй – из области научной фантастики: выйти отсюда так, чтобы никто этого не заметил, сменить фамилию и уехать. Желательно – за границу, причем там законспирироваться так, чтобы не нашли. Хотя...

Хотя есть еще один путь, но для него обязательно нужен выход... в Интернет. Компромат на дражайшего супруга у нее собран отменный, и можно запустить информацию о его скрытой деятельности во всемирную паутину, а там пусть разбираются. Только этот запуск должен быть осуществлен при малейшей угрозе с его стороны.

Именно так: заложить эту мину с дистанционным управлением, и если на протяжении трех дней она не сможет проделать определенные манипуляции, файл самозапустится. Пожалуй, такой вид шантажа может сработать: в компьютерах Александр Борисович не разбирается, а уровень компетентности его помощников был куда ниже, чем у нее самой. Но как в этот самый Интернет попасть? Собственно, трудность только в этом и заключалось, все остальное, как гово-

рится, дело техники.

Принесли обед. Вкусовые качества еды в палате давно уже не обсуждали, просто через силу вводили в организмы что-то относительно горячее, добавляя затем калории и витамины из передач. Майя каждый раз чувствовала себя неловко. она-то никаких передач не получала. Но уже на третий день своего пребывания в больничных стенах перестала ломаться и начала есть фрукты, булочки и другие вкусные вещи. Правда, сама себе давала обещание, что обязательно это как-нибудь возместит. Потом. Только не знала, когда же наступит это самое «потом», и что она будет делать.

Пока не принесли очередную дозу медикаментов, женщины торопливо обсудили «текущее положение». Передал Петр Андреевич записку матери Нины или нет? Если передал, то когда можно ждать результатов и какими эти результаты будут. А если не передал...

– А если не передал, то останется только Богу молиться, – невесело усмехнулась Нина. – Возможно, он сжалится, хотя я в церковь-то никогда не ходила. Да и вообще, кажется, некрещеная.

– По-моему, мы все тут некрещенные, – заметила Майя. – Не в те времена родились. Это сейчас все детей крестить несут, покойников – отпевать, а после ЗАГСа едут прямо в церковь. То ли действительно уверовали, то ли это просто модно.

– Модно стало верить, – обронила Вика. – Иначе окружа-

ющие могут не понять. Все, девочки, нам несут лекарства. Временно превращаемся в растения...

Уже ближе к вечеру зашел Петр Андреевич и как бы между делом сообщил Нине, что записку ее матери передал. Но посоветовал особенно не обольщаться: передачи проверяют очень тщательно, ничего «такого» не пропустят.

– А я ничего «такого» и не просила, – сознательно округлила в изумлении глаза Нина. – Просто попросила позвонить мне на работу. Вы же читали записку...

– Представьте себе, не читал, – неожиданно улыбнулся Петр Андреевич. – Поверил вам на слово. И вообще я врач, а не тюремный надзиратель, напрасно вы меня в злоумышлениях подозреваете.

– Мы не подозреваем... – растерялась Нина.

– Вот и хорошо. Сам я мало чем могу помочь, но не заметить что-либо вполне способен. Не понимаю, правда, почему... Что вас рассмешило, Вика?

Виктория не смеялась, но явно улыбалась. Это было первое явное проявление каких-то эмоций с ее стороны в присутствии врача, и теперь растерялся уже Петр Андреевич. Он уже привык к тому, что красавица никак не реагирует на происходящие вокруг события, а тут – извольте радоваться.

– Прекрасно вы все понимаете, Петр Андреевич, – совсем уж внезапно сказала она. – И не стоит стыдиться того, что пытаетесь сделать доброе дело. Негодяев на свете и без вас предостаточно.

– Виктория...

– Вы, конечно, можете отметить, что я вступила, как говорится, в контакт. Но мне почему-то кажется, что вы этого не сделаете. Пока, во всяком случае.

– Милые дамы, а вы не думаете, что я могу вылететь с работы?

– Не думаем, – подхватила беседу Нина. – Вы – специалист высочайшего класса, такие на дороге не валяются, а желающих на ваше место вряд ли много найдется. Я не права?

– Отчасти правы. За большими деньгами я не гонюсь...

– А большинство врачей не гоняется за лишними сложностями. Проще человеческую психику в научном учреждении изучать, чем лично. Это здесь с персоналом более или менее нормально, насколько я могла заметить, а в обычных-то психушках...

– Что ж, Бог, как говорится, не выдаст. А вам, Майя, ни с кем связываться не нужно?

– Нужно, но практически не с кем. Мама за границей, ничем конкретно помочь не сможет. Есть еще близкая подруга...

– Ну, так позвоните этой подруге, – сказал Петр Андреевич, доставая из кармана мобильный телефон.

Это простое действие произвело на присутствовавших эффект разорвавшейся бомбы. Все три женщины смотрели на телефон, как на что-то сверхъестественное, появившееся перед ними точно по мановению волшебной палочки. Никто

даже не шевельнулся.

– Ну, звоните же, – повторил Петр Андреевич. – Или вы не помните номер?

– Помню, – пролепетала Майя, протягивая к телефону дрожащую руку. – Спасибо.

Она набрала нужные цифры и даже зажмурилась от внезапно накатившего страха. А вдруг Маринка еще не вернулась? Вдруг она вне зоны доступа? Вдруг...

– Слушаю, – раздалось в телефоне знакомое контрольное.

– Марина? Это Майя...

– Слава Богу, объявилась! Где тебя черти носят, я уж обзвонилась, даже твоего благоверного достать пыталась...

– Я в больнице, Маринка, говорю с чужого телефона.

– А твой где?

– Дома остался. Марина, я в закрытой больнице...

– В каком смысле?

– В смысле – в психиатрической, здесь нельзя мобильники держать.

– Пусть она позвонит мне вечером по этому номеру, я все объясню, – негромко сказал Петр Андреевич.

Майя взглянула на него с огромной благодарностью.

– В общем, позвони по этому номеру вечером, часов в девять, тебе все расскажут. Какое счастье, что ты снова в Москве!

– Ничего не поняла, но все сделаю, – деловито, как обычно, сказала Марина. – Координаты твои тоже узнаю?

– Все узнаешь, говорю же тебе. Ну, пока, целую, конец связи.

Майя дала отбой и почти без сил повалилась на койку. Петр Андреевич аккуратно забрал у нее телефон и усмехнулся:

– Волшебно! Вступаю в сговор с пациентками. Никто не поверит, что бескорыстно.

– Я поверю, – отозвалась Вика. – Если бы вы мне взялись помогать... А с Майи что взять? Перевод какой-нибудь медицинской статьи?

– И я поверю, – подхватила Нина. – У меня все-таки есть друзья, сослуживцы, просто добрые знакомые, мама, наконец. Кто-нибудь обязательно поможет. И вас, Петр Андреевич соответственно отблагодарит за содействие. Не морщитесь, это я неудачно пошутила. А если серьезно: когда нас переведут на открытый режим? Уже неделя прошла...

– Тут решаю не столько я, сколько заведующий отделением. А у него, как мне кажется, прочный контакт с супругом Виктории. Вот и подумайте сами, милые дамы, как скоро вас куда-нибудь переведут.

– Когда рак на горе свистнет, – усмехнулась Нина. – Хотя... почему нас всех-то изолировали?

– А в компании веселее, – спокойно сказала Вика. – Наверняка вас обеих проверили, выяснили, что никакой опасности вы не представляете... в плане организации моего освобождения. Так что насчет рака не знаю, а вот если я по-

каюсь и попрошу прощения...

– Так, – решительно сказал Петр Андреевич. – Вот это все обсуждайте уже без меня, мне лишние подробности совершенно ни к чему. Я сообщу своему начальству, что, с моей точки зрения, вас уже можно переводить на более свободный режим, но больше ничего конкретного сделать не могу. Только еще какую-нибудь записку передать или по телефону поговорить.

– А этого вполне достаточно, – отозвалась Вика. – Главное – начать, и за это большое вам спасибо. А там уж будем сами барахтаться, глядишь, и выплывем.

– А ну как не выплывете?

– Значит, туда нам и дорога.

– Виктория, вы рассуждаете совершенно по-мужски, позвольте вам заметить.

– А во мне от женщины только внешность. Честное слово, продала бы ее за возможность спокойно жить, ни с кем не связываясь. От моей внешности всю жизнь только неприятности, и ничего больше.

– А я все думаю, – вмешалась Нина, – какие у меня волосы отрастут. Вряд ли прежние, конечно. Хотя... рыжий цвет мало кому нравится.

– Мне нравится, – усмехнулся Петр Андреевич. – До завтра, дамы. Я распорядился, чтобы вечерние лекарства вам сократили, а со снотворным уж сами как-нибудь разберетесь.

И ведь действительно, после приема лекарств вечером

обитательницы палаты не ощутили знакомых симптомов «уплывающего» сознания и неспособности здраво мыслить. Все три почувствовали только некоторое успокоение, но головы оставались ясными. Плохо было только то, что в этих ясных головах новых рациональных идей никак не возникало: все упиралось в отсутствие надежных контактов с «волей».

– Ладно, утро вечера мудренее, – сдалась, наконец, Нина. – Выспимся, попьем кофейку, а там, глядишь, что-то произойдет. Давайте, девочки, по последней сигарете – и в койку.

Следующий день действительно принес несколько приятных неожиданностей. Во-первых, при утреннем обходе Петр Андреевич сообщил Майе, что ее подруга теперь обладает всей необходимой информацией и обещала «всех поставить на уши и поднять волну на полстраны». Зная характер Марины, Майя в этом и не сомневалась. Затем принесли передачи: на сей раз, все троим, включая Майю. Правда, в ее пакете, кроме сигарет и всяких вкусных вещей ничего особенного не оказалось, зато Нина, разбирая передачу, обнаружила большой пакет ваты, такой, какой давным-давно вышел из повседневного женского обихода, сменившись всякого рода прокладками и тампонами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.